

КУЛЬТУРА И ЦИВИЛИЗАЦИЯ

ПАМЯТНИКИ

Россия с особенной легкостью отказывается всегда от прежних заветов культуры. Весь Петербург полон ужасающими примерами. Далеко ходить не нужно. Для старины мы переживаем сейчас очень важное время. Об этом придется писать еще много раз.

Где бы ни подойти к делу старины, сейчас же найдете сведения о трещинах, о провале сводов, о ненадежных фундаментах. Кроме того, еще и теперь внимательное ухо может в изобилии услышать рассказы о вандализмах перестроек, о фресках под штукатуркой, о вывозе кирпичей с памятника на постройку, о разрушении городища. О таких грубых проявлениях уже не стоит говорить; хочется смотреть на них, как на пережиток. Такое явное искаительство должно вымереть само: грубое насилие встретит и сильный отпор. После знаний уже пора нам любить старину и время теперь уже говорить о художественном отношении к памятникам.

Пусть они стоят не величавыми покойниками, точно иссохшие останки, когда-то грозные, а теперь никому не страшные, ненужные по углам соборных подземелий; пусть памятники не пугают нас, но живут и веют на нас чем-то далеким, может быть и лучшим.

Что же мы видим около старины? Грозные башни и стены заросли, закрылись мирными березками и кустарником; величавые, полные романтического блеска соборы задавлены кольцом отвратительных хибарок; седые иконостасы обезображены нехудожественными доброхотными приношениями. Все потеряло свою жизненность; заботливо обставленный дедовский кабинет обратился в пыльную кладовую хлама. И стоят памятники, окруженные врагами снаружи и внутри. Кому не дает спать на диво обожженный кирпич, из которого можно сложить громаду фабричных сараев; кому мешает стена проложить конку; кого беспокоят безобидные изразцы и до боли хочется сбить их и унести, чтобы они погибли в куче домашнего мусора.

Так редко можно увидеть человека, который искал бы жизненное лицо памятника, приходил бы по душе побеседовать со стариной. Фарисейства, конечно, как везде, и тут не оберешься.

Мы почитаем память близких покойных. Мы заботимся о достойном поддержании их памятников и всего им дорогого. Грех — если родные, близкие всем нам памятники древности будут стоять заброшенными. Не нужно, чтобы памятники стояли мертвыми, как музейные предметы. Нехорошо, если перед стариной в ее жизненном виде является то же чувство, как в музее, где, как в темнице, закрыты в общую камеру разнороднейшие предметы; где фриз, рассчитанный на многоаршинную высоту, стоит на уровне головы, где исключают друг друга священные, обиходные и военные предметы насильственно связаны по роду техники воедино. Трудно здесь говорить об общей целесообразной картине, о древней жизни, о ее характерности. И не будет этого лишь при одном неперемennom условии.

Дайте памятнику живой вид, возвратите ему то общее, тот ансамбль, в котором он красовался в былое время, — хоть до некоторой степени возвратите! Не застраивайте памятников доходными домами; не заслоняйте их казармами и сараями; не допускайте в них современные нам предметы — многие с несравненно большей охотой будут рваться к памятнику, нежели в музей. Дайте тогда молодежи

возможность смотреть памятники и она, наверное, будет стремиться из тисков современности к древнему, так много видевшему делу. После этого совсем другими покажутся сокровища музеев и заговорят с посетителями совсем иным языком. Музейные вещи не будут страшной необходимостью, которую требуют знать, купно, со всеми ужасами сухих соображений и сведений во имя холодной древности, а наоборот отдельные предметы будут частями живого целого, завлекательного и чудесного, близкого всей нашей жизни. Не опасаясь педантичной сути, пойдет молодежь к живому памятнику, заглянет в чело его и мало в ком не шевельнется что-то старое, давно забытое, знакомое в детстве, а потом заваленное чем-то, будто бы нужным. Само собой захочется знать все относящееся до такой красоты; учить этому уже не нужно, как завлекательную сказку схватит всякий объяснения к старине.

Как это все старо и как все это еще ново. Как совестно говорить об этом и как все эти вопросы еще нуждаются в обсуждениях! В лихорадочной работе куется новый стиль, в поспешности мечемся за поисками нового. И родит эта гора — мысль. Я говорю это, конечно, не об отдельных личностях, исключениях, работы которых займут почетное место в истории искусства, а о массовом у нас движении. Не успели мы двинуться к обновлению, как уже сумели выжать из оригинальных вещей пошлый шаблон, едва ли не горший, нежели прежнее безразличие. В городах растут дома, художественностью заимствованные из сокровищницы модных магазинов и с претензией на новый пошиб; в обиход проникают вещи странных форм, часто весьма мало пригодные для употребления. А памятники, наряду с природой живые вдохновители и руководители стиля, заброшены и пути к ним засорены сухью и педантизмом. Кто отважится пойти этой дорогой, разрывая и отряхивая весь лишний мусор?

Верю: скоро к нашей старине придут многие настоящие люди. Кроме археологических учреждений будут задуманы общества друзей старины. Не скажем больше: «Все спокойно». Еще раз изгнать культуру мы, наконец, убоимся!

1903

ИЗ ПРОШЛОЙ И НАСТОЯЩЕЙ ЖИЗНИ РУССКОГО ИСКУССТВА

Доклад в С.-Петербургском Обществе Архитекторов

В прошлом году я уже имел случай в этом же собрании указывать на печальное положение многих наших памятников художественной старины; единственным следствием всех этих взываний и писаний что же было? — только получение писем из разных городов России с выражением сочувствия и с многими указаниями на новые разрушения и новую гибель памятников. Больше никаких последствий не было. Наши охранители старины в разговорах о самых ужасных разрушениях только пожимают плечами и, в лучшем случае, выражают сочувствие. И в этом чувствуется, как навсегда порывается связь наша с древностью; и отходим мы вперед или в сторону — затрудняюсь сказать.

В синодик прошлого сообщения можно прибавить еще несколько имен.

Нынешнем летом мне пришлось видеть еще несколько обломков прошлого; я был на тихом верхнем плесе Волги в Калязине, Угличе и некоторых монастырях. Светлым впечатлением было пребывание в Калязине; там смывают новейшую плохую стенопись и бережно восстанавливают старинные фрески; фрески очень хорошие, в подбор лучшим образцам Ярославля. Я думал, что реставраторы и остановятся на смывке и бережно сохранят все вновь открытое, но меня испугали: мастера говорили, что нужно исправить некоторые пятнышки. Это страшно — уже многие вещи этими пятнышками запятнаны навсегда. Нашим мастерам не под силу

проникнуть в сущность старого украшения.

В Угличе дело росписи обстоит худо: в церквях и монастырях остались небольшие уголки нетронутые. Поистине, замечателен там Воскресенский монастырь. Белой великой грудой развалился он среди зеленой площади; пережил и ограду, и кладбище. Ржавеет, расплзается в трещинах. А мы ждем какого-то чуда самопоновления! Не шучу.

Мне приходилось говорить со сторожем. Он говорил: «У нас Владычица поновляется». — Кто же поновляет? — «А как кто? Она сама поновляется». — Как? — «А как временами краска пропадает, через год она сама начинает выступать». — В этих нехитрых словах было что-то бесконечно злое. Правда, лишь чудом можно спасти многие красоты нашей старины, нашего художества... Может быть вся чудная стенопись выступит со временем сама? Не знаю, а что и знаю, то почти в полной мере направлено против искусства. И что значат вздохи наши против бодрой деятельности искажителей? Воскресенский монастырь давно уже лишен прихода и отписан к духовному училищу; восстановить его трудно, так как на это потребуются громадные суммы. В теплой церкви за трапезной еще сохранились отличные царские врата, но около них все древнее уже истреблено и лишь малыми отрывками приходится выхватывать первоначальную красоту. Не хватает средств поддержать красивое, но испортить что-нибудь — на это средства всегда найдутся. И здесь, в проходе между теплой церковью и трапезной, сколком Белой Палаты Ростова сложили изразцовую печь. Сложили эту печку на проходе из церкви в трапезную и одною этою вставкою сразу погубили весь смысл конструкции превосходных храмин. С каким чувством работали наши предки, а теперь искажают именно все лучшие места их труда, и трудно уже приблизиться к картинам даже недалекого прошлого, даже XVII века.

Насколько трудно судить о былой картине древностей наших, можно представить по характерному происшествию с Саввин-Сторожевским монастырем под Звенигородом. Через Святые ворота, где проходил на богомолье Тишайший Царь, вы входите на большой монастырский двор: посреди его стоит древний храм Саввы. Царь и свита входили в громадную арку и потом выходили во двор в маленькие двери чуть не в 1,5 человеческого роста? Показалось мне это странным. Оказывается, что во времена Николая Павловича, когда монастырь пришел в запустение, вместо того, чтобы реставрировать нижний этаж, просто засыпали его землей. Пострадал этим эффектный двор монастырский, и первоначальный замысел создателя изменился.

Другой интересный памятник, который мне пришлось видеть, — Иверский монастырь на Валдае. Замечательное, красивое место на Валдайских озерах. И верится, почему Никон возлюбил это место, так близкое природе Севера. Легко можно представить, что строителем руководило непосредственное чувство любви к природе. Ничто не могло напоминать так Никону скит на северном озере, где выросла, окрепла и научилась мечтать и мыслить эта сильная душа. Свой монастырь он строил для себя, как заботливый хозяин. План выработан по образцу Иверо-Афонского монастыря, и сделано все хозяйственно и щедро. Опять приходится вырывать незначительные кусочки, где бы не очень бросалось в глаза позднейшее. Великолепен Никоновский корпус, выстроенный патриархом для своих остановок. Я хотел войти в него и меня поразили странные крики и шум; доброжелательный монах остановил меня: «Не ходите туда; там у нас Кавказ. Мытам прячем самых буйных и пьяных». Опять горестное совпадение! Именно в самом любимом уголке монастыря, где Никон проникался глубочайшими думами, именно этому дому придано теперь омерзительное назначение. Много можно сказать о монастырях, но скучно перечислять все ужасы. Слишком мало можно указать отрадного. Можно, конечно, говорить и об ужасах, если бы это к чему-нибудь вело, если бы кто-нибудь в силу таких соображений возревновал о памятниках, и не казенным постановлением, а могучим призывом к общественному мнению, которое одно

только и может охранить наши святыни. Но ничего подобного не слышно. По-прежнему стыдно подумать и о Западе, и с Востоке. Старина в Германии и в других странах; в чем сравнится она с нашим сплошным несчастьем! В наших специальных кругах, я знаю, некоторые готовы помочь, но дальше маленького специального круга везде равнодушие, и нет такого ругательства, нет такой мольбы, чтобы двинуть льды эти. Чем же это объяснить?

И вдруг предо мной вырос страшный призрак: да ведь нами вовсе утрачивается значение искусства. К искусству мы стали относиться, как к чему-то другому, как к науке, может быть, или чему другому, но не как к искусству относились в древности, когда оно действительно входило в самую глубину жизни, чувства, верований, т. е. всего, что утрачено нами. И из этого следуют наши беды искусства, и в таком положении мы долго оставаться не можем. Вместе с этим мелькало оправдание; может быть мы в медленном шаге не дошли до такого развития, может быть, мы идем правильно и это все впереди? История и примеры других народов только быть может зовут нас вперед и оглянуться нам некуда. В этой надежде захотелось оглянуться назад, и вспомнил я скромные строки Стоглава, Соборные постановления и указы Тишайшего Царя, и почувствовал, что и здесь нет нам оправдания.

Наши цветы искусства растут не от этих красивых корней. Не буду пересказывать старинные строки. Не нарушу прелести старинного письма. В степенном слоге нельзя выкинуть ни строчки, ни буквы, так они характерны, так образны. Каким же хочет видеть Стоглав художника? «Подобает быть живописцу смиренну, кротку, благоговейну, не празднослову, не смехотворцу, не сварливу, не пьяницу, не грабежнику, не убийцу, но ипачеж хранить чистоту душевную и телесную со всяким опасением; не могущим же до конца тако пребыти по закону женитесь и браком сочетатися и приходите ко отцем духовным и во всем извещатися и по их наказанию и учению жита в посте и молитвах и воздержании со смиренномудрием, кроме всякого задора и безчинства...» Какие строгие, суровые рамки, и что же взамен этого. «Аще которые нынешние мастера живописцы тако обещахшися учнут жити и всякия заповеди творити и тщание о деле Божий имети и царю таких живописцев жаловати, а святителям их бречи и почитати паче простых человек». Это утверждение красной линией проходит по всему Стоглаву. Каждый живописец, чтобы сделаться таким, должен пройти известную санкцию. «И аще кому открывает Бог такое рукоделие, и приводит того мастер ко святителю». Уже в то переходное время, когда мы оторвались от Византийского искусства, во время перехода к Северу, мы получаем известие о высоком положении художника и чувствуется желание повисить это положение. «Высшим духовным властям, архиепископам и епископам поручается везде испытывать мастеров иконных и избравшие кийждо их во всем пределе живописцев нарочитых мастеров да им приказывати надо всеми иконописцы смотрити, чтобы в них худых и безчинных не было. А сами епископы смотрят над теми живописцы, которым приказано и брегут такового дела накрепко... А вельможам и простым человекам тех живописцев во всем почитати».

Из того, что говорит Стоглав, можно подумать, что это все относится к иконописцам, но следует понимать, что так говорилось вообще о художниках. И понятие иконописца ни в чем не разнится от понятия художника.

Посмотрите, какое к ним было отношение при Алексее Михайловиче, когда созданием иконного терема при дворце получилось как бы образование Академии, строго обставленной разными указами. Кроме разделения на жалованных и кормовых и на три статьи, иконописцы иконного терема разделялись по роду занятий на знаменщиков (рисовальщиков), лицевщиков (писавших лица), долицевщиков (писавших ризы и палаты), травщиков (пейзаж), златописцев, левкасчиков, терщиков. В круг занятий иконописцев Оружейной палаты кроме иконописи входило составление планов городов, рисунков для гравирования, работа

для денежного двора, «а на кормовом дворе доски пряничныя писали и кадки яичные травами писали и столы травами писались, решетки и шесты, а также прорезные доски (для царевича), болванцы, трубы, печи» и т. д.; составление смет, сколько надо было материалу и сколько человек и во сколько времени могли окончить работу; прием красок, надсмотр за работами (хотя главный надсмотр поручался иногда стольнику и дьяку) и разбор новых иконников на статьи, и производство им испытания. Насколько ценились отзывы царских изографов, можно видеть из того, что при расписании Грановитой палаты Симон Ушаков с товарищами сказали, что «Грановитыя палаты вновь писать самым добрым письмом прежняго лутче и против прежняго в толикое время малое некогда; к октябрю месяцу никоими мэрами не поспеть для того: приходит время студеное и стенное письмо будет не крепко и не вечно». И работы начались на следующий год. Нет, это не подначальные серые иконописцы, а художники в широком смысле. Вот как в золотое время старого искусства заботились об уровне искусства и преследовали неискусных мастеров. Столичные иконописцы, имея пред собою образцы и учителей, могли не выходить из рамок, начертанных для живописцев еще Стоглавом и свято поддерживавшихся и впоследствии, но в захолустье весьма понятно, что художники не могли так строго соблюдать традиции, и подобные отступления доходили до сведения царя, вызывая его указы. «В 1668 г. стало ведомо Великому Государю, Царю и Великому Князю Алексею Михайловичу..., что на Москве и его городах и слободах, и в селах, и в деревнях объявились многие (неискусные) живописный от неискusstва воображение святых икон пишут не против древних преводов и тому их неискusstному учению многие последуют и у них учатца, не рассуждая о воображении святых икон. А которые иконописцы начертанию и иконнаго воображения искусны и прежних мастеров иконнаго воображения преводы у себя имеют и от тех учение не при-емлют и ходят по своим волям, якож обычай безумным и во разуме неискusstным. К тому же в некоторой веси Суздальскаго уезда, иже именуется село Холуй и того села Холую поселяне неразумюющие почитания книг божественнаго писания дерзают и пишут святые иконы безо всякаго рассуждения и страха, их же честь святых икон по божественному писанию не первообразное восходит. А те поселяне от своего неразумия то воображение святых икон пишут с небрежением. И В. Государь, ревнуя поревновах о чести святых икон, указал отписать в патриарший разряд, чтобы Великий Господин Святейший Иосаф, Патриарх Московский и всея Руси, благословил и указал на Москве и во градах воображение святых икон писати самым искусным иконописцам, которые имеют у себя древние преводы и то со свидетельством выборных иконописцев, чтобы неискустен иконнаго воображения не писал, а для свидетельства на Москве и во градах выбрать искусных иконописцев, которым то дело гораздо в обычай, а которые неикустны иконнаго художества и тем воображение святых икон не писать. А которые иконописцы живут в Суздальском уезде в селе Холуй и тем иконописцам впредь воображения святых икон не писать же и о том и о всем послать грамоты из Патриарша разряду».

Не подумайте, что иконописное дело застывало в мертвенном каноне и не было споров, как писать — нет, споры были. «Где указано лики святых писать смутно и темно? Кто посягнется юродству, будто темноту и мрак паче света почитать следует?...» Или: «Многие от (мастеров) пишут таковых же святых угодников, как и они сами: толстобрюхих, толсторожих, и руки и ноги, яко стульцы у кажнаго».

Какое должно было быть проникновение и подъем при иконописной работе. Можно представить, какой был экстаз художника! Худо ли работали люди в таком экстазе, можно проверить только по нереставрированной живописи храма: впечатление остается высоким до сказочности. Насколько равномерно возрастали требования к искусству, интересно сопоставить предписание о письме икон Стоглавого Собора и Собора 1667 г.; из этого сравнения видно, насколько развилась

жизнь и расширились задачи искусства. В постановлениях Стоглава читаем: «и с превеликим тщанием писать образ Господа Нашего Иисуса Христа и Пречистыя Его Богоматери и Святых пророков... по образу и по подобию и по существу, смотря на образ добрых иконописцев. И знаменовати с добрых образцов». Собор Алексея Михайловича требует: «... да (иконы) лепо, честно, с достойным украшением, искусным рассмотром художества пишемы будут, воеже бы всякаго возраста верным, благоговейная очеса си на тя возводящим к сокрушению сердца, ко слезам покаяния, к любви Божий и Святых его угодников, к подражанию житию их благоугодну возбуждаться и предстояще им мнети бы на небеси стояти себе пред лица самых первообразных»... Когда я стоял в храме Иоанна Предтечи, Ярославля, вспомнились слова этого соборного постановления. Высокая атмосфера окружала это красное дело.

Можно много привести красивых примеров.

Можно указать на щедрое жалованье, которое получали живописцы, даже по дворянским спискам верстаемые. Как дорожили мастерами добрыми местные власти, как защищали мастеров цари и патриархи. Но как апофеоз высокого отношения к художникам прочитаем окружную грамоту 1667 года:

«Яко при благочестивейшем и равноапостольном царе Константине и по нем бывших царех правоверных церковницы, велею чстью почитаеми бяху, со сигклитом царским и прочиими благородными равенство почитания повсюду приимаху, тако в нашей царстей православной державе икон святых писателие тцаливии и честнии, яко истинные церковнаго благолепия художницы, да почтутся всем прочим председание художником да восприимут и тростию или пером писателем, да предравенстуют; достойно бо есть от всех почитаемя хитрости художником почитаемым быти. Почтежесе образо творения дело от Самого Бога, егда во Ветхом завете повеле ангельская лица в храм си и под киотом завета вообразити. Приятъ честь в новой благодати от Самого Христа Господа, егда изволих лице свое на обрус Авгарю царю без писания начертати; почтесе от Святых Апостолов, ибо Святой Евангелист Лука святыя иконы писата. Почтесе от всея православныя кафолическая церкви, егда на седьмым Вселенском соборе иконам святым должное утвердися поклонение, почтесе и от ангел святых, ибо многожды сами святыя иконы Божиим написаху повелением, яко во святой великой лавре Киево-Печерской, вместо иконописца Алимпия Святаго и иногда многаши. Непреобидимо и пренебрегаемо сие православное рукоделие и от начальствующих в мире во вся предтекии веки бяше: не точию бо благородных чада, гонзающе праздничества и бездельнаго щапства, многошарною любезно труждахуса кистью: но и сам ем златый скипетр держателем изряднейшая бываше утеша, кистию и шары различноцветыми художеств хитроделием Богу истеству подражати. Кто бе в древнем Риме преславный он Павел Емилиий, его же похвалами вся книги историческия исполнишася: сей взыска в Афинах Митродора иконописца, крупно и философа, во еже бы научите юныя си кромешному преславных побед своих начертанию. Коль славный род Фабиев Римских сих праотец Фабий меньшую похвалу стяжа иконною кистью, яко прочие мечем и копием острым. А гречестие премудрие законопологателие толь честно сие судиша быти художество яко же завет им положити, да никто от раб или пленник иконнаго писания вдан будет изучению, но точию благородных чада и советничий сынове тому преславному навькнутъ художеству. Толико убо от Бога от церкви и от всех чинов и веков мира почтеннаго дела художницы в ресноту почитаеми да будут; первое же чести им пристойныя место да имать знаменатель искуснейший та же иконописателие искуснейшие, потом прочию по своему чину. Сим тако быти хотящим в нашей православного царствия державе не изменно выну узаконяем и повелеваем подражающе узаконению благовернаго Государя Царя и В. Кн. Иоанна Васильевича, всея России Самодержца, в Стоглав воспоминаемому в главе 43, да о честных и святых иконех и конописателех вся вышереченная в сей грамоте нашей царстей ен

преступно хранима и блюдома будут выну...»

Но Царские непреступные грамоты мы преступили и наше церковное искусство утопает в непросветных буднях: теперь большинство наших церквей наполняется случайными разнородными работами, которые, в лучшем случае, наполняют нас рассеянностью вместо проникновения, — это очень важное дело: теперь на очереди стоят серьезные религиозные вопросы, и отношение к религиозной живописи, которое теперь существует у нас, не может оставаться; требуется дать нечто более красивое, более ценное. Выход нужен. Посмотрите в древних храмах. Где вы найдете иконы древние, написанные в случайных тонах? Их писали разные лица, но как они умели объединиться в одной идее! Как они согласно расположили декоративные пятна! А у нас что же выходит? Иконная живопись самая распространенная, но ею занимаются от несчастия те, которые не имеют других заказов... С каждым днем растет число несчастных в искусстве; мы слышим о всевозможных резких проявлениях: кто-то застрелился, кто-то повесился... Это, конечно, отдельные факты, без которых искусство не может прожить, но в настоящее время эти случаи увеличиваются через меру. Художественная промышленность? Казалось бы, при таком несчастном положении искусства не в нее ли уйти? Но и ее положение остается невыясненным; многие занимающиеся ею не понимают значения художественности: мы даже стремимся создать особое сословие художественных промышленников и создаем какую-то обидную недосказанность в этом сословии..., но прерываю. Хотя я и предупреждал нашего почтенного председателя, что, показывая этюды, буду говорить об очень старом во всех отношениях и хотел бы видеть все сказанное давно уже использованным большою публикою, но боюсь, как бы в этих сетованиях не перейти опять к бесцельным жалобам.

Если меня спросят, что в данную минуту следует сделать в нашей жизни искусства? Я не знаю; верней — не смею надеяться на обновление нашей художественной жизни. С чего видимого начать? Может быть следует прежде приняться за наши периодические выставки, которые, кроме немногих жизненных — Союза и молодых товариществ, пришли к полному безразличию. Может быть нужно хотя бы отчасти вернуться к тому времени, когда спокойно, любовно творили, как примитивы, сознавая проникновение искусством, его интимность.

Нужна художникам возможность развернуться и в широких декоративных задачах.

Как ни странно, современный Запад ближе к старой Руси, чем мы в настоящем нашем положении: там чувствуется потребность искусства государством, а у нас нет и намека на это. Если бы у нас захотели украсить какие-нибудь общественные здания, университет, думу, суд и т. п., если бы художники предложили это сделать даже даром, то и тут, вероятно, поставят такие условия, что художники будут готовы лучше приплатить, лишь бы отказать от своей непростительной затеи. Но перемена предстоит: так равнодушно, так мертво нельзя относиться к искусству, как относится к нему теперь наше общественное мнение. Мне говорят, что теперь не время об этом говорить, что минута неудобна, когда общие интересы так далеки от искусства. Но ведь война и смута пройдут, и с особой яркостью выступят мирные интересы и интерес к искусству будет самый большой. И к этому времени нужно близким искусству выяснить всю боль дела и подготовить общественный голос. Нечего говорить, как велика при этом могла бы быть задача общества зодчих. При ясном сознании такой задачи, при хотя бы некоторой преданности искусству, зодчие, входя в будни обстановки, могли бы дать толчок общественному мнению. Но, ужасно сказать, далеко назад отступает общественное мнение и разрушением зданий Московского Университета, и созданием дома Елисеева на Невском Петербурга, и тысячами примеров, о которых должно быть не только «Слово», но «и Дело». Об этих вопросах, как бы они ни были, к стыду, общеизвестны, необходимо говорить и писать. А если кто-нибудь найдет возможным убедить меня,

что дело нашего искусства вовсе не так плохо, скажу искреннее спасибо. Мне, художнику, много приятнее говорить о торжестве искусства, нежели о его несчастье. И старая Русь не должна быть нам таким сплошным укором.

1905

ИВЕРСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Как на Севере зеленоватое старое озеро. Причудливое плечо; длинные рога — мысы, глубокие заливы. Волны стучатся по борту, холмами, оврагами, перелесками убегают берег, светлая озимь разбросалась узором, красивы изумрудные краски. Закрывают даль темные релки хвой. Темная, опаленная хвоя; целый бор! Стеной стоит по островам. Много островков. Крестами высятся макушки елей. Светлая кайма берега. Тихий залив. Серое небо. Белые стены монастыря. Грудой белых строений. Синие главы. Красные и зеленые шапки на башнях.

Точно Север. Точно Анзерский скит. С Севера пошла дорога Никона и вернулась на Север. Севером сложились его твердые думы. Широким северным шагом шел он и глаза толпы были ему, как глаза чащи. Северный ветер приносил ему свежесть и обновление. На Валдайском озере увидел Никон кусок Севера. По-прежнему подумалось ему: опять крепи мысли под советы елей и бурунов. Никон любил это озеро. Уезжая из построенного им монастыря, «отходя тоя честные обители, много жалив, яко Адам райские доброты лишаяся: бе бо всеми любимое место, понеже красно зелено».

По плану Афонского монастыря Иверя строен монастырь на Валдае. Приятно здесь не тем, что теперь есть. Приятно подумать путем строителя Никона. В основу здания легла любовь к природе. Этому верится. Этим прощается многое испорченное теперь, этим не замечается многое казенное благолепие. Испорчено много. Погибла вся живопись. Есть отдельные иконы и очень красивые, но и то большинство подчищено. Искажены части многих строений. Вклеились новые хозяйственные постройки. Появились даже палисадники и куртины с фигурами битого кирпича. С трудом можно очистить основу. Но все-таки хорошо.

Все-таки остаются следы 1657 года. Тогда был закончен каменный соборный храм и начала работу типография. Вокруг пятиглавого собора крытая паперть. На полу истертые плиты над могилами игуменов и иноков. По стенам собора несомненно была хорошая живопись. Теперь грубо расписаны угодники. Высокий пятирусный иконостас. Золотой. Иконы отличного письма, но кое-где уже тронуты. Прочищены фоны и небеса. Отношение фона к изображению все еще не ясно нашим искажителям. За правым клиросом икона Иверской Богоматери. Копия со знаменитой Афонской иконы. Красиво известие о написании этой копии. Афонского Иверского братства иноки так известили царя Алексея Михайловича: «Собрав всю братию, 365 иноков сотворили есьма великое молебное пение, с вечера и до света и светили есьма воду со св. мощами и св. водой, обливали чудотворную икону Пресвятой Богородицы старую Протатскую и в великую лохань ту св. воду собрали и собрав паки обливали новую цку, что сделали всю от кипарисова дерева и опять собрали ту св. воду в лохань и потом служили Святую и Божественную литургию с великим дерзновением. И дали ту св. воду и св. мощи иконописцу... Романову, чтобы ему, смешав св. воду и св. мощи с красками, паписати Св. икону.

... Иконописец токмо в субботу и воскресенье употреблял пищу, а братья по дважды в неделю совершали всенощные и литургии».

Красиво. Если бы и в наших религиозных живописцах было то же тщание и любовь к делу. Опять бы вернулся чудный колорит и смелая убедительность старого письма.

Создание иконы под старинные напевы молитв, среди грозных древних ликов, среди бархата стенописи. Какой подъем! Какое проникновение должно быть. С боку крытой паперти собора — ризница. Там прекрасное Евангелие 1681 года, украшенное финифтью. Есть несколько облачений, крестов и чаш времени Никона.

СПАС НЕРЕДИЦКИЙ

Синодик погибшей старины вырастает.

Показали снимок незнакомой церкви. «Откуда это?» «Вот вам любимый Спас в новом виде».

Сделался некрасивым чудный Нередицкий Спас. Нынче летом его переделали. Нашли мертвую букву Византии, отбросили многое, тоже веками сложенное.

На пустом берегу звеном Новгорода и старого Городища стоял Спас одинокий. Позднейшая звонница, даже ненужный сарайчик пристройки, даже редкие ветлы волховские, все спаялось в живом силуэте. А теперь осталась Новгородская голова на чужих плечах.

Семь лет назад писал я о будущей реставрации Спаса. В 1904 году дошли вести, что Спаса обезглавят, и я писал: «Ужаснутся мужи Новгородские, если на любимом святочтимом Спасе засверкает новенький византийский котелок».

Кора времени миновала главу; опустилась на плечи. Ободраны милые Северу четыре ската крыши; вызваны на свет уже чуждые нам полукружные фронтоны. По карнизам появились острые сухарики. Откуда они? Зачем? Кто их навязал реставратору вопреки чутью художника? Даже карнизик барабана главы усеяли эти ненавистные острия.

Зачем полумеры? Отчего пощадили главу? Почему не перекрыли ее византийским фасоном? Зачем не снесли позднюю колокольню?

Если во имя буквы нарушать вековую красоту, надо сделать это обстоятельно, во всем пределе изуверства. Достанем из пыли греческий клир. Перешьем из саккоса Адриана портище Алексея Михайловича.

Спешите, товарищи, зарисовать, снять, описать красоту нашей старины. Незаметно близится конец ее. Запечатлейте чудесные обломки для будущих зданий жизни.

БЕЗОБРАЗИЕ

Записные листки художника. XVII

Архиерей некий увидел во сне храм Василия Блаженного. Проснувшись, запомнил и вообразил о сонном откровении к созданию храма Воскресения. Все прочие проекты были отвергнуты и «сонное видение» восторжествовало.

Такова легенда. И у нашего времени есть легенды. Сколько красивого можно было предполагать под лесами этой долгой постройки! — целые два десятка лет можно было заблуждаться.

Наконец, начали снимать покрывала. Начало обнаруживаться механическое собирательство частей Василия Блаженного, храмов ростовских, ярославских, борисоглебских. Гора бирюлек! Собирище бесвкусное, лишённое чувства меры прекрасных строений древности.

К чему еще одно посмеяние над стариною? Зачем пестрый вывоз всем, кому близко красивое древности? Мимо без пользы проходят страшные уроки ложно-русских строений...

Внутренность храма должна быть также поразительна; закреплена навеки мозаикой. Бедные мозаичисты! Бедный красивый материал. Ходили невероятные слухи. Слышали мы, что Васнецов и Нестеров представлены в храме только отдельными внешними пятнами и плохо освещенными образами иконостаса. Врубель, давший прекрасные вещи в Кирилловском монастыре и во Владимирском соборе, не был приглашен к делу. Рябушкин был рассыпан по мелочам и рассеян соседями. Затем второстепенные, но правоверные: Харламов, Афанасьев...

Много работы было сделано Бодаревскими, Беляевым, Поляковым, Отмарами, Киселевыми, Порфиоровыми и проч.

Наконец, прошел еще один нелепый слух, будто бы строитель Парланд не удовольствовался постройкой, орнаментами и первою ролью в главном управлении; будто бы с ним что-то случилось и он заставил делать мозаику по своим собственным эскизам. Мало того: поместил ее на видных местах, недалеко от алтаря. Такое сообщение показалось уже просто дурною шуткою.

Но все эти невероятия оказались правдою. Собрание этих «шуток» оказалось выше всяких слов. У нас на глазах сделалась подавляющая пошлость. Крохи хорошего были раздавлены массою откровенного оскорбительного безобразия.

Но Парланду все-таки было мало. Он нашел, чем довершить. Он выдумал вставить в окна синие стекла! Золотая мозаика дала зеленые, лягушечьи эффекты. Фольга с хлопущки! Четырехдневный Лазарь, — но кто воскресит его?

Пол из мрамора, мрамор на иконостасе, вставки из полудрагоценных камней, серебро и золото. Из-за роскоши материала глядит убожество духовное.

Господа члены комиссий, господа участники! Торопитесь подать особые мнения; торопитесь выяснить ваше отношение к постройке. Близится срок открытия храма и приговор всех культурных людей прозвучит над всеми, кто стоял близко и потворствовал безобразию.

Леса теперь убраны. Теперь ясно видно все, что долгие годы было прикрито лесами, приличиями и условностями. Все ясно. Ясно, каковы были затраты; ясно, что можно требовать от этих затрат. Храм всем доступен; берегитесь не считаться с красотой святыни, берегитесь превратить ее в арлекинаду. Это безбожие отзовется глубоко. Еще не поздно разбить синие стекла, еще можно кое-что убрать, еще можно вырубить из стены рукоделия самого Парланда...

У причастных к делу даже не может быть успокоения, что их обвиняют новаторы, с которыми можно и не спорить. Обличают их Нерушимая стена, св. Марк, Равенна, вся сокровищница Божества.

После всех исканий, после новых погружений в красивое, после взрыва

религиозных вопросов последнего времени невозможно без ужаса думать о новом уродстве в искусстве. Не давайте же, наконец, таких страшных свидетельств суду истории.

1906

ВОССТАНОВЛЕНИЯ

Записные листки художника. XXV

«Всякий предмет, естественно, умирает. Художественное произведение тоже имеет свою смерть — оно разрушается». Если память не изменяет, так где-то сказано; а может быть в этой форме и не сказано.

В старину фрески и мозаики просто замазывали или покрывали новым — лучшим или часто худшим. Мы делаем так же, но кроме того мы усовершенствовались и стали готовить мумии-чучела не только из людей и животных, но и из всяких предметов.

Таким способом временно «спасено» многое в искусстве; приделано множество рук, ног, даже голов к чуждым телам; негодными красками и черными лаками «оживлено» великое число картин, да еще по нескольку раз иногда; при хорошем знании можно всегда изобрести недостающее, смутное. Кисть хранителей прошла почти по всем фрескам; их даже снимают со стен и переводят на доски.

Сколько тщательно расписанных мумий! Сколько мертвых останков! По искривленным, засохшим губам угадайте улыбку; в темной бесформенной массе — движение; в сломанных суставах — мягкость и гибкость.

И сколько восстановителей трудится; в рвении выдумывают новые банки консервов. Один Вазари, холодный, сколько потрудился над работами предшественников.

И смерть все-таки приходит, чтобы ввести новую жизнь. Но мумии не оживают, они только напоминают, и бесчисленные с них копии только продолжают это дело ошибок.

Всякая почва по-своему сохраняет предметы, так и время разными путями разрушает художественные вещи. Съедает — одни; туманит — другие; чернит — третьи; ломает, изгибает, коверкает и украшает. Иногда трудно отделить работу людей от создания времени. И все такие случайности часто ложатся в основу толкований, и около искусства, около радости красок и линий накапливается многое мертвое, ненужное. Некрологи принимаются за подлинные слова умерших.

Сколько фресок лучших, самых лучших художников, сколько картин и статуй превращено в мумии, а инвентари выдают их за живое. Бесчисленны погибшие линии архитектуры. Пропали формы; очерствели, потухли настоящие краски.

Что чувствуют их создатели, если мысль их еще близка миру?

Около стен и под куполами устрашающе стоят гильотины искусства — подмостки реставраторов; на колесах, громоздкие, закрытые со всех сторон, — за ними погибает искусство. Глубина настроения, прелесть случая вдохновенья покрывается удобопонятным шаблоном, по все правилам восстановителей.

Не изгоним их, они очень почтенный для них есть большое дело: поддержите остатки ветхой жизни; закройте от света слабое зрение; сохраните теплоту воздуха для старого тела; удалите колебания; наконец, снимите пыль и грязь, но беда коснуться духа вещи, повредить ее эпидерму.

И не раскрашивайте мумии; костяки не склеивайте, по ним узнаем только длину и ширину тела. Ко всему ложному в представлении нашем неужели будем прибавлять ложное бесконечное? Неужели музеи будут уже не темницами, но кладбищем искусства?

Была и будет смерть, и бороться с нею бессильно; тем больше ее торжество.

1906

РАЗРУШЕНИЕ

Записные листки художника. XXVI

Повторяю.

Незаметно разрушится красота нашей старины. Разрушится среди «попечений» и «забот» о ней. Разрушится под кровом новых охранительных постановлений, под «защитой» науки. Окончательно запишутся заново, поновятся остатки фресок. Будут разобраны многие стены; будет надстроено, перекрашено, изменено все, что ненавистно мертвому духу искажителей. Будут придуманы ласковые отговорки. Иногда искажители даже признаются, что сделанное ими не хорошо, но ужасное создание все-таки останется в испорченном виде; в таком признании высшая мера презрения.

Страшно!

И мы будем свидетелями. И последующие смело могут говорить о бессилии нашем охранить красоту. Могут смеяться о нетронувших сердца траурных строках наших. Только твердить, твердить для себя мы можем.

Страшно!

Наложили мертвую маску на Нередицкого Спаса.

Испортили живопись Ивана Предтечи в Ярославле. Нынче летом испортили. Три года назад я писал: «Недавно узнал, что это дело в руках археологической комиссии, и живопись храма останется неприкосновенна. Слава Богу!»

Но все это неверно. Нельзя было верить, непростительно. «Мы скудно сознаем, что перед нами не странная работа богомазов, а превосходнейшая стенопись». Прошлым летом заправили живопись Предтечи. Обаяние бархата общего тона пропало, говорят. К чему нужно было кроме трещин заправлять всю живопись?

И где горячий протест археологической комиссии, если бы такое дело начали без нее, стороною?

Еще грустная история дворца в Батурине. Построен при Елизавете Петровне гетманом Разумовским. До прошлого года состоял из трех частей: великолепный корпус в середине и два крыла; место красивое — берег реки.

Здание находится в инженерном ведомстве.

Причт местной церкви в 1905 году просил разрешения безвозмездно разобрать дворец на постройку церкви, и Киевский Военно-Окружной Совет признал это ходатайство заслуживающим удовлетворения. Но Главное Инженерное Управление вспомнило про археологическую комиссию и запросило ее.

Комиссия не согласилась с Киевским Советом и Инженерное Управление предложило комиссии принять дворец в свое ведение. На поддержание дворца нужно 4100 рублей, да содержание сторожа. Теперь археологическая комиссия зловеще просила Академию Художеств командировать учеников для зарисовки и снятия чертежей дворца. Последняя исповедь перед казнью может быть? Последнее свиданье?

Недавно у архитекторов-художников Карпович читал доклад о разрушении старого Петербурга за последние годы. Какой унижительно печальный перечень поломок, пристроек, подкрасок... Рост разрушений поражающий. Точно объявлен между ведомствами конкурс на искажения. Запишите имена разрушителей.

1907

ЗАПИСНЫЕ ЛИСТКИ ХУДОЖНИКА. XXVIII

По поводу моего «записного листка», озаглавленного «Разрушение», мне пришлось выслушать несправедливые укоры. Мне говорили, что я нападаю на деятельность археологической комиссии вообще. Неверно. Я знаю: в комиссии работают и люди почтенные в деле археологии — А.С.Спицын, Б.В.Формаковский... Близки комиссии и такие выдающиеся ученые, как Н.П.Кондаков, гр. А.А.Бобринский, И.Я.Смирнов, М.И.Ростовцев и др.

В моих заметках я говорил лишь об отдельных действиях отдельных членов комиссии.

Среди этих действий, к сожалению, не забывается и недавний «ответ» г. старшего члена комиссии на статью М.И.Ростовцева (статья была напечатана в газете «Страна», ответ — в «Новом Времени»). В своем «ответе» г. старший член вялым тоном ненужно умалял деятельность комиссии и смирился перед безнадежностью защиты старины от вандализма.

«Все спокойно» — сказали нам.

«Но погибает древнее искусство. Памятники расхищают; их охраняют мало; их изучают и берегут мало; не забота и любовь окружают их...» — нервно сказал профессор Ростовцев.

«Все спокойно» — ответил старший член археологической комиссии. «Надо примириться; нельзя ожидать лучшего; из-за положения древностей не стоит сердиться» — в сонном покое пояснил «старший».

Страшный ответ; в нем нет отчаяния неверия; в нем нет сознания неожиданного падения; в нем нет призыва к бодрым, любящим, сильным...

Это не все, разумеется. Неоднократно я указывал на «действия» археологической комиссии и менее пассивно прискорбные. Между прочим, по поводу того же «записного листка», многие укоряли меня, почему я так коротко отозвался о прискорбной реставрации Нередицкого Спаса. Хотя я писал об этой реставрации подробно раньше («Зодчий», «Золотое Руно»), может быть надо еще раз повторить самое главное.

Я обвиняю лиц, перестроивших Спас, в том, что, сохранив прежнюю главу, они переделали плечи храма, не увеличив его общих пропорций открытием старых фундаментов. Этим придана храму небывалая для него случайная форма.

Обвиняю в том, что был приделан новый карниз, который, если и был прежде, то, конечно, вовсе не в таком отвратительном сухарно-инженерном виде.

Обвиняю в том, что вся внешность Спаса перестала быть вековым созданием; точно мертвая рука сгладила все извилины и неровности мастерства, столь важные в древних строениях. С точки зрения красоты внешность Спаса стала ненужною. А что нам древность без вечных слов красоты?..

Нет, пусть нас мало, но мы не хотим заупокойного служения красоте древности. И есть у нас вера в успех. Мы знаем про спасенный Ростовский Кремль, доведенный «спокойными ответами» до публичной продажи. Мы знаем блестящие частные собрания, приносимые в дар стране, несмотря на все нелепые препятствия. Мы знаем, что «малое число» вырастает мгновенно, но вырастает именно там, где нет «спокойных» ответов.

Говорю доброжелательно...

1907

ЗАПИСНЫЕ ЛИСТКИ ХУДОЖНИКА. XXIX

По отношению ко всякому значительному памятнику старины нельзя понятие реставрации разуметь иначе, как поддержание. Конечно, да.

Могут ли быть универсальные правила для такой «реставрации»? Конечно,

нет.

Каждый случай требует своего особого обсуждения. Это обсуждение вовсе не произвол «вкуса». Складывается оно из самого точного взвешивания всевозможных исторических и художественных соображений. Не «вкусом» обусловлена точность этих весов, а вдохновенностью убеждающего проникновения и знанием творящим.

Чувствуете ли бесконечную пропасть между знанием творящим и знанием мертвящим?

Не «вкус», а чутье, проверенное знанием, подсказывает и острые границы, отделяющие инженерный остов сооружения от остатков его художественности, хотя бы проявленной мастером вполне безотчетно.

Основы сооружений могут быть использованы для достройки; в особенности, если зодчий, полный «чутья», показывает при дальнейшем строении точную границу бывших, уже утративших форму остатков.

Но художественность неприкосновенна, и там, где виден еще слад художника-украшателя, там всякая достройка может лишь портить заветы времен.

В Овруче, на месте известных развалин храма, строится новый храм, причем А.Щусев, полный уважения к древним останкам, при надстройке показывает на всех стенах точную границу развалин, отступая в новой кладке на один кирпич от прежних оснований стен. В этом сказалось тонкое «чутье» А.Щусева.

Можно ли смотреть на «постройку» в Овруче, как на «реставрацию»? Конечно, нельзя. Можно смотреть только как на новый храм, возникающий на староосвященном месте, по древнему плану.

Среди многообразных случаев наших «реставраций» постройка в Овруче является примером того, что может и должно быть обсуждаемо лишь как вновь сооружаемое художественное целое.

Но вот стоит Коложская церковь около Гродно... Остались от нее не бесформенные остовы стен без всяких ближайших сведений; в ней еще виден слад украшателя, и о ней мы знаем — она была устроена с особенным великолепием, и следы его еще обозначались в XVIII столетии, как говорит Игнатий Кульчинский в своем инвентарном описании Коложи 1738 года. Кроме изразцовых настенных украшений, еще сохранившихся, мы знаем о фресках, об остатках богатого иконостаса; знаем об оконных свинцовых переплетах; знаем о покрытии крыши и купола цветною, глазурированной черепицею. Своды храма уничтожены только при осаде Гродно Карлом Двенадцатым. Все это еще так свежо и в то же время уже неосвязаемо, невозстановимо...

Если Коложской церкви суждено «поддержание», то в каких формах выразится оно?

1907

ВОССТАНОВЛЕНИЯ

При министерстве внутренних дел кажется начнет заседать комиссия по выработке положения об охране памятников старины. Трудное и высокое дело — найти формулу защиты лучших слоев бывшей культуры. Некоторые члены комиссии могли бы быть прекрасными хранителями старины во всем ее художественном понимании, но удастся ли им повлиять на коллегиальное решение и установить почти немислимую букву закона — весьма неизвестно.

Результатом трудов комиссии могут быть точные списки памятников старины, прекрасно отредактированные правила, широкие циркуляры от министерства по всем областям и губерниям... Но чем зажжется в сердцах толпы горячее стремление оградить красивые останки от разрушения? Каким пунктом правил может быть разъяснено всем народным массам, всем городским хозяйствам, что в разрушении

памятников понижается культура страны?

Разойдется комиссия; в чьих же руках останутся прекрасные правила? В чьих портфелях потонут циркуляры? В каких шкафах будут погребены точные и длинные списки старины?

Будет ли комиссии предоставлено полное право также назвать людей, полезных такому сложному художественному делу?

О памятниках старины теперь много пишется. Боюсь, даже не слишком ли много. Как бы жалобы на несчастье памятников не сделались обычными! Как бы под звуки причитаний памятники не успели развалиться. Правила, правда, полезны для охраны старины, особенно сейчас, когда многие остатки древности дошли до рокового состояния; но еще нужнее наличие людей, наличие настоящей преданности и любви к делу.

Помню значительное по смыслу заседание Общества Архитекторов, посвященное несчастливой реставрации Нередицкого Спаса в Новгороде. Помню, как оплавав Спаса, начали мечтать о возможных правилах реставрации и кончили утверждением, что каждая реставрация есть своего рода художественное произведение. Каждая реставрация требует, кроме научной подготовки, чисто творческого подъема и высокой художественной работы. При этом покойный Н.В.Султанов, человек большой культурности, выразился совершенно определенно, что обсуждать реставрацию на основании общих правил нельзя и что каждый отдельный случай требует своего особого обсуждения. Всем было ясно, что имеет значение не то, каким путем будут обсуждаться реставрации, но кто именно будет это делать.

Слов нет, на предмет обсуждений очень хороша коллегия. Но главное несчастье коллегии в том, что она безответственна. Вспомним разные неожиданности закрытых баллотировок; вспомним, как никто из членов не примет на себя произошедшей досадной случайности. Процент случайностей в коллективных решениях прямо ужасен. Вся ответственность тонет в многоликом многообразном существе, и коллегия расходится, пожимая плечами и разводя руками.

В коллегиальных решениях отсутствует понятие самое страшное для нашего времени, а именно: ответственность личная, ответственность с ясными несмыслимыми последствиями.

Личная ответственность необходима. Начинателю — первый кнут и первая хвала. И можно найти таких людей, которые имеют силы и мужество принять высокую ответственность охраны заветов культуры, памятников старины. Имеются люди, нужные для разных видов древности.

Если есть поборники красоты старины, то кто же будет их слушать и слушаться?

Какими путями можно проникнуть в душу «обывателя», для которого памятник есть только старый хлам? Какими ключами открывать душу ста миллионов людей?

Полные непростительных мечтаний еще недавно рассказывали мы «повести лирические».

Мы говорили: «Россия с особенною легкостью всегда отказывается от прежних заветов старины. Пора уже понять, какое место занимает старина в просвещенном государстве. Пусть памятники стоят не страшными покойниками, точно иссохшие останки, никому ненужные, сваленные по углам соборных подземелий. Пусть памятники не пугают нас, но живут и вносят в жизнь лучшие стороны прошлых эпох. Вольно смотреть, как памятники теряют всякую жизненность; любимый, заботливо обставленный дедовский кабинет обращается в пыльную кладовую храма. Мы почитаем близких покойных. Мы все-таки заботимся почитать их памятниками; некоторое время мы желаем поддержать памятники и все принадлежащее нашим близким покойным. Неужели не ясно, что памятники

древности, в которых собралось все наследие былой красоты, должны быть еще более близкими и ценными в нашем представлении?

Если душа семьи еще жива в нас, то неужели душа родовая уже умерла совсем? Неужели все соединяющая, всеобъемлющая душа земли не подскажет народам значение наследства старины? Это не может быть; национализм, правда, не осилил задачу значения древности, но душа земли, более глубокая, нежели дух наций, имеет силы отстоять свои сокровища — сокровища земли, пережившей многие народы.

Не в сумерке темниц должны памятники доживать свой век; они должны светить всей праздничной жизни народа.

Дайте памятнику то «чистое» место, которое он имел при создании, и к такому живому музею пойдет толпа. При оживлении памятников оживут и тысячи музейных предметов и заговорят с посетителями совсем иным языком; они сделаются живыми частями целого увлекательного и чудесного. Не опасаясь педантичной суши, пойдет молодежь к дедовскому наследию; полная надежды, заглянет она в чело его и мало в ком не шевельнутся прекрасные чувствования раннего детства, потом засыпанные чем-то очень «нужным».

Около старины нужны чуткие люди. Кроме учреждений «археологических», должны появляться общества друзей старины. Верю, что такие общества народятся скоро.

Городскому Управлению Новгорода, где есть очень богатые промышленники, скажем словами одной моей старой статьи о старине: «Добрые люди, не упустите дело доходное. Чем памятник сохраннее, чем он подлиннее — тем он ценнее. Привлеките к памятнику целые поезда любопытствующих. Бог да простит вас, извлекайте из памятников выгоду, продавайте их зрелища, сделайте доступ к ним оплаченным. Кормите пришедших во имя древности, поите их во имя старины, зазывайте небылицами красивыми, украшайте каждое место легендами (издатели, слушайте!), громоздите эпизоды любовные, устрашайте рассказами жестокими, распалайте богатствами грабежными, торгуйте, продавайте и радуйтесь!

Освяти, отче, средство! Обложите памятники аренами, запирайте от проходящих затворами, берегите их честно и крепко, как бумаги процентные.

В памятниках вложены капиталы великие; в умелой руке в большом барыше пойдет памятник; опасны дела торговые, а памятник, что вино, чем старее, тем ценнее! Чем до сердца доходчивее, тем и думайте; но старину сберегите».

1908

НЕБЛАГОПОЛУЧНОСТИ

Во Пскове сейчас — две неблагополучности.

Первая: погибает знаменитая стенопись Мирожского монастыря.

Вторая: Ф.М.Плюшкину предлагают продать его собрания за границу.

Стенопись собора в Мирожском монастыре отваливается хлопьями. При самом легком прикосновении отскакивают большие куски живописи.

Виновата, конечно, сырость. Но почему ее не устранили во время недавней «реставрации» храма? Наконец, почему целые долги века сырость щадила фрески?

Изменились ли какие-нибудь условия храма? Изменилось ли отношение? Переделаны ли фундаменты? Является целый ряд вопросов. Но самый важный из них: как спасти живописные части, которым еще не угрожает разрушение?

После последней реставрации времени прошло слишком мало, а последствия вышли слишком большие. От старого Пскова остается очень мало памятников. После второй реставрации не придется ли вычеркнуть Мирожский храм навсегда из числа примечательностей?

Во Пскове был П.Покрышкин; конечно, он поторопился сделать для храма что-нибудь полезное и в художественном отношении обойдется с этим памятником лучше, нежели с Нередицким Спасом. Хотя уже трудно сейчас исправить случившееся, но следует всеми силами сохранить единственные фрески древнего Пскова.

Надо сохранить для России и собрания Плюшкина. Не буду перечислять ценность этих коллекций; людям, близким художественной старине, известно, что собрал Ф.М.Плюшкин за 30 лет собирательства. Вспомним редчайшие монеты: псковские, удельные, петровские, екатерининские. Вспомним масонский отдел собраний: ордена, ассигнации, ритуальные предметы. Прекрасны экземпляры народных уборов всего Псковского края. Любопытны серебряные вещи из изборских кладов. Миниатюры часто исторического значения и в особенности для местного округа; гравюры; лубочные картины; фарфор подчас очень интересных марок. Наконец, священные предметы, курганные находки... Несколько дней необходимо, чтобы подробно посмотреть все собранное 30-летним упорным трудом. И, конечно, наш старейший край сносил свои достопримечательности под одну кровлю не для того, чтобы материалы жизни Пскова разлетелись по далеким иностранным музеям.

Мы уже допустили вывоз многих ценных русских собраний... Повторять ли, что с каждым днем такое допущение становится непростительнее?

Какие могут быть возражения против собраний Плюшкина? Самое ближайшее возражение — это то, что наряду с предметами первоклассного значения комнаты собирателя заставлены вещами ненужными. Но не следует забывать, что собирательство Плюшкина представляет известную летопись жизни Пскова. Плюшкин принял совершенно верный принцип областного коллекционера. Он принимает все, что ему приносят. И только в силу этого принципа к Федору Михайловичу несут «все», и ценности также не минуют его рук.

Собрания Плюшкина должно взять правительство. Должно сохранить их твердо и прочно. Большой вопрос: куда ближе могут пойти эти предметы — в столицу ли или должны остаться во Пскове как основание настоящего областного музея? Это можно решить в будущем.

Теперь же необходимо правительству получить собрания Плюшкина. Что отложено, то потеряно. А что увезено навсегда за границу, то будет вечным стыдом для России.

Псковским бедам надо помочь.

1908

ОЖИДАНИЯ МОЛОДЕЖИ

При различных учебных заведениях молодежь основывает художественные кружки. Рисуют с натуры, делают эскизы, читают рефераты, полны желания приобщиться и узнать многое о красивой старине. При Академии Художеств и при Архитектурном отделении ее, правда, еще нет такого кружка, но при Институте Гражданских Инженеров художественный кружок уже работает.

Вопреки традициям, наперекор стихиям «инженерная» молодежь поняла, что вне искусства не может стоять никакое строительство; без художественного смысла не может существовать ни одно сооружение, хотя бы и «гражданское», хотя бы и «инженерное».

Уже давно принимались многие меры, ставшие традицией Института, чтобы отделить гражданское строительство от задач Академии Художеств, чтобы растолковать, что в Академии изучают «прихоти» искусства, а в Институте готовят для «трезвой» будничной жизни.

Целое поколение инженеров поняло эти границы и начало заливать города ужасными сооружениями. Над немногими мечтателями из Академии Художеств весело смеялись, упрекали их в неприложимости к обыденной жизни; считали себя инженеры истинными создателями обиталищ «гражданина».

Многое упрощалось, многое могло стать в будущем очень «выгодным», но тут молодежь попортила заведенные пружины.

Молодежи потребовалось искусство; потребовалось это опасное предприятие, так трудно уложимое в ясные рамки «здоровой» жизни. Молодежь захотела читать об искусстве; захотела знать верные сведения о старине; захотела сама паломничествовать к святыням древности; пришла к убеждению о необходимости учиться рисовать; словом, бесповоротно захотела приобщиться к подлинному искусству. Несносная, хлопотливая молодежь!

Не помогли ни легкие запрещения, ни препятствия. Без средств, без оснастки Художественный Кружок бодро вышел в море.

Каким путем, несмотря на традиции, молодежь вышла на путь искусства? Откуда именно среди инженерного студенчества появилось такое непреложное сознание о необходимости настоящего познания искусства, о необходимости глубоких забот о прекрасной старине?

Как будто сама жизнь подсказала будущим инженерам, что именно в их руках лицо отечества. Не столько созданием отдельных памятников, сколько строительством всей обыденной жизни можно добиться оживления художественно-культурных начал.

Бесконечно правы студенты-инженеры в своем обращении к искусству. Большинство городских хозяйств зависит от руки инженера; физиономию города создаст инженер; до сих пор особенными врагами памятников старины оказывались всегда инженеры. Им первым теперь надлежит исправлять ошибки прошлого поколения. Им первым придется взять на себя часто неблагодарную, жестокую задачу — твердить об искусстве обывателю. Твердить во всех концах земли и быть готовыми к невежественному поношению. Трудный, но прекрасный путь!

С особенным радостным чувством приветствую Художественный Кружок Института Гражданских инженеров. Кружку нужна помощь. Нужны настоящие сведения об искусстве, о древности. Я убежден, что истинные ревнители старины горячо отзовутся на запросы Кружка, которому приходится начинать дело вне всяких традиций.

Часто мы затрудняемся в решении, из кого составятся будущие отряды поборников красивой старины и культуры. Лучшим материалом для такого ответственного дела могут быть художественные кружки молодежи. Их горение сильно и светло; им хочется дела достойного и большого.

В художественные кружки молодежи понесем лучшие сведения об искусстве и старине. Не мертвые правила, которые сейчас вырабатываются, но живых и сильных работников могут дать нам кружки молодые, жаждущие лучших сведений.

Художественным кружкам поможем.

1909

ДЕСЯТИННАЯ ЦЕРКОВЬ В КИЕВЕ

2-го мая в «Новом времени» сообщено о желательности воссоздания Десятинной церкви в ее первоначальном виде.

Сказано: «Что касается Десятинной церкви, то хорошо известен только план ее, благодаря раскопкам, произведенным в прошлом году; очень мало известно о внешнем виде храма и внутреннем украшении его. Однако тех данных, которые имеются, достаточно для начала дела, а если за него возьмутся люди знающие,

любящие старину, то несомненно они доведут его до благополучного конца... Необходимо теперь же образовать комитет для подготовки данных по созданию древнего Десятинного храма».

По поводу такого предложения вспомним, что именно знаем мы о Десятинной церкви.

«И бяше Варяг един и б двор его, идеже есть церкви святая Богородица, юже содела Володимир».

«Посем же в лето 6497 (989) г. Володимир живяше в законе Хрестьянстве, помысли создати церковь пресвятая Богородица, послав приведе я мастера от Грек и наченшу же знати и яко сконца зижя; украси ю иконами, и поручи ю Анастасу Корсунянину; и поры Корсуньские пристави служити в ней и двда ту все, еже б взял Корсуни, иконы и съсуды и кресты».

«В лето 6504 (996) г. Володимир видел церковь свершену, вшед в ню, и помолися Богу... и рек сице: “Даю церкви сей святой Богородици от имени моего и от град моих десятую часть”. И положи написав клятву в церкви тей, рек: “Аще кто сего посудит, да будет проклят”. И власть десятину Анастасу Корсунянину».

По словам Дитмара, во время осады Киева Болеславом Храбрым в 1018 г. по середине храма стояли мраморные саркофаги Владимира и княгини Анны.

В 1017 г. церковь была сильно повреждена пожаром и по возобновлении ее кн. Ярославом в 1039 г. была вновь освящена.

В 1240 г. «граждане создаша паки другый град около святое Богородице и пали в битве с Батыем». Храм был разрушен.

В разное время были открываемы части бывшей Десятинной церкви: осколки мраморных колонн, картины, куски мозаичного пола, кафели, остатки мозаики и фресок.

Все эти остатки, также как и намеки летописи, ясно говорят нам о действительном великолепии Владимирова храма. В мечтах можем мы ярко представлять себе величие и благородство этого памятника, украшенного лучшими предметами греческой работы. И сделанное греческими мастерами в Киеве и, главное, вывезенное из Корсуни, без сомнения было высокохудожественно. Чем вернее представим себе древний Киев, т. е. считая его не захолустным городом, а большим, устроенным центром, тем выше будет наше суждение о первоначальном виде Десятинной церкви.

Жалкими должны показаться всякие попытки сделать подделку под прекрасный памятник древности, от которого мы резко отделены всем нашим существом. Почтенно всякое познание истины древней жизни. «Будущее в прошлом» всегда должно быть не парадоксом, но глубоким девизом. И в силу уважения к красоте древности нельзя думать о подделках.

Поддержать памятник, продлить его жизнь — большая заслуга, но воскрешение мертвых нам не дано.

Собирайте все вещи, принадлежащие умершему, но не выдавайте мумию за живого и не затрачивайте деньги на такие дела.

Денег у нас мало. Надо создать комитеты для сбора средств на изыскание древностей. Среди будущих изысканий должно стоять на первом месте исследование древнего Киева.

Год тому назад по поводу данных о начале Киева пришлось мне писать: «Можно с радостью сознавать, что весь великий Киев еще покоится в земле в нетронутых развалинах. Великолепные открытия искусства готовы также и для наших дней. То, что начато сейчас раскопками Хвойко, надо продолжить государству в самых широких размерах. Останавливаемся на исследовании Киева потому, что в нем почти единственный путь проследить прошлые наслоения культур. Эти вехи освещают и Византийское влияние и Скандинавский век и дают направление суждениям о всех временах бронзы».

Готов я повторить эти слова еще много раз, а в особенности тогда, когда

появляются мысли об изыскании средств для Киева.

Неохотно принесут люди деньги на подделку храма, зная, что у государства есть головы и руки, пригодные для новых созданий. Но для открытия целой блестящей культуры каждый с радостью отдаст свою лепту.

Всероссийская подписка на исследование Киева и Новгорода могла бы дать огромные средства. По мелочам, по копейкам создадутся миллионы. Я убежден, что каждый из нас, любящих красоту древности, примет в таком деле самое горячее участие. Никакой культурный человек не пройдет безучастно мимо подписного листа, мимо кружки на исследование правды крупнейших моментов жизни.

Пора приступить!

1909

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

За последнее время среди широких кругов общества замечается отрадное явление — возникает подлинный интерес к старине и ко всей минувшей жизни России. Пробуждается сознание, что прекрасные памятники прошлого нужны не только как музейные редкости, но как самые прочные ступени будущей культуры страны.

Не знающий прошлого не может думать о будущем. Народ должен знать свою историю, запечатленную в памятниках старины. Народ должен владеть всеми лучшими достижениями прошлых эпох. Мы должны с великим попечением изыскивать еще нетронутые варварскою рукою древности и дать им значение, давно заслуженное.

Но никакое установление не может выполнить задачу регистрации, охранения и исследования старины, пока народные массы добровольно не отзовутся своими заботами и указаниями. Всякий, знающий что-либо о малоизвестных памятниках старины, не стесняясь изложением, должен считать своим долгом сообщить о них в одно из установлений, работающих над сохранением древностей.

Комиссия музея Допетровского искусства и быта, основанная при обществе архитекторов-художников и имеющая в своих задачах собирание предметов старины и исследование древнейших населенных мест России, примет с великою признательностью всякие указания (описания, снимки, слепки, изображения и предметы) о старине и озаботится, чтобы каждый живой отклик, каждая благожелательная лепта с пользою вошла в дело изучения минувшей жизни отечества.

Все сведения комиссия просит направлять по адресу: Петербург, Мойка 83, на имя председателя комиссии.

Председатель комиссии музея Допетровского искусства и быта.

1910

ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД

«Бояху-бо ся зверинаго их нрава», — замечает о новгородцах Никоновская летопись.

Боялись князья идти управлять сильными, непокойными ильменцами.

Но напророчила Марфа Посадница. Стал Великий Новгород самым скромным, самым тихим из русских городов.

Притаился.

Скрыл свой прежний лик. Никто не представит себе, как тянулся великий, пестрый, шумный Ганзейский город на версты до Юрьевского монастыря, до

Нередицы, до Лядки. Никто не признает жилым местом пустые бугры и низины, сейчас охватившие Новгород.

Даже невозможно представить, чтобы когда-нибудь новгородцы «были обладателями всего Поморья и до Ледовитого моря и по великим рекам Печоры и Выми и по высоким непроходимым горам во стране, зовомой Сибирь, по великой реке Оби и до устья Беловодных реки; тамо бо беруще звери дики, сиречь соболи».

Трудно поверить, как ходили новгородцы до моря Хвалынского (Каспийского) и до моря Венецийского.

Невообразимо широк был захват новгородских «молодых людей». Молодая вольница непрерывно дерзала и стремилась. Успех вольницы был успехом всего великого города. В случае неудачи старейшинам срама не было, так как бродили люди «молодшие». мудро!

Но везде, где было что-нибудь замечательное, успели побывать новгородцы. Отовсюду все ценное несли они в новгородскую скрыню. Хранили. Прятали крепко.

Может быть эти клады про нас захоронены.

В самом Новгороде, в каждом бугре, косогоре, в каждом смыве, сквозит бесконечно далекая, обширная жизнь.

Черная земля насыщена углями, черепками, кусками камня и кирпича всех веков, обломками изразцов и всякими металлическими остатками.

Проходя по улицам и переулкам города, можно из-под ног поднять и черепок X—XII века и кусок старо-венецианской смальтовой бусы, и монетку, и крестик, и обломок свинцовой печати...

Глядя на жирные пласты прошлых эпох, не кажется преувеличенным сообщение В.Передольского, что живой слой новгородской почвы превышает семь саженей.

Вы идете по безграничному кладбищу. Старое, изжитое место. Священное, но ненужное для жизни.

Всякая современная жизнь на таком священном кургане кажется неуместною, и может быть не случайно сейчас глубоко усыплен временем Великий Новгород.

Пора серьезно опять обратиться к старому Новгороду.

Обстоятельства создают и собирателей. Но их мало.

Собрание Передольского с его широкими, но путанными замыслами, лежит под спудом, а между тем оно важно для Новгорода, так же, как собрание Плюшкина близко Пскову.

Да оно и много лучше собрания Плюшкина.

Следует помогать таким собирателям. Но не хватает у города находчивости из этих собраний сделать продолжение своего расхищенного музея.

Поймут ли «отцы города», что в их руках сейчас не рыбное, не лесное, не хлебное дело, а единственное подлинное сокровище — бывшее Новгорода со всеми его останками!

В 1911 году Великий Новгород будет праздничным.

После долгих сомнений справедливо решено собрать в Новгороде археологический съезд.

Во главе съезда опять будет отзывчивая гр. П.С.Уварова. Она умеет поднять людей, умеет и взять дело пошире. В ней есть то, чем «любитель» часто одолевает «специалистов». Ко времени съезда Новгороду придется показать многое из того, что скрыто сейчас.

Мое предложение образовать музей Допетровского искусства и открыть Всероссийскую подписку на исследование Новгорода, древнейших городов русских, было встречено очень многими сочувственно.

Мне кажется, не откладывая, следуют всеми силами начать собирать средства.

Находки из исследований, — а их будет огромное количество, — должны поступить в музей Допетровского искусства и быта. Как ни странно, но до сих пор в столице нет многоцельного историко-бытового музея.

Отдельные находки сосредоточены в Эрмитаже, в археологическом обществе и археологическом институте. Небольшие отделы находятся в Академии наук, в артиллерийском музее, в хранилищах университета, но все это разрознено, часто труднодоступно.

Музей в Петербурге нужен, равный по значению московскому историческому. И России, где находки еще только начинают выявляться, следует подумать о материалах для такого хранилища. Конечно, начнем с Новгорода и Киева.

Несколько обществ, несколько издательств могут приняться за это большое культурное дело.

В первую голову принялось за дело исследования городов общество архитекторов-художников, которое собирается в Академии художеств в Петербурге. И это правильно.

Вот почему. Во-первых, исследование городов должно быть ближе всего зодчим. Они — творцы лица государства.

Зодчим поручается многое в укладе нашей жизни — велико должно быть к ним и доверие.

Именно зодчим должны быть ведомы условия нарастания городов. Они больше других должны чувствовать всю захороненную житейскую мудрость прежних устройств.

Строительная молодежь, которая собирается вокруг общества архитекторов-художников, будет крепнуть на таких исторических изысканиях, развивая свой вкус и опыт для нового творчества.

Во-вторых, общество архитекторов-художников молодо. Пока — вне всяких скучных, запретительных традиций. Общество быстро развивается и не боится новых дел. В общество охотно идут, и таким путем складывается кадр многосторонний, пригодный для крупных начинаний.

Молодому обществу удалось уже многое спасти, многое выяснить. Зоркие, молодые глаза усмотрели уже много вандализмов и громко указали на них.

Обществу покровительствует Великая Княгиня Мария Павловна, новый президент Академии художеств. Великая Княгиня с большим рвением занялась новой работой. Она окажет самое горячее покровительство широкому общегосударственному делу, близкому каждому любителю искусства и старины.

Следует начать подписку. Помощь будет.

Уже в 1911 году, к съезду, работа может дать первые результаты.

В конце июля Комиссия Допетровского Музея начнет раскопку южной стороны Детинца, где стояли княжьи терема, а также пять старых храмов. В то же время возможна раскопка и на старом городище, где долгое время жили княжьи семьи.

Люблю новгородский край. Люблю все в нем скрытое. Все, что покоится тут же среди нас.

Для чего не надо ездить на далекие окраины: не нужно в дальних пустынях искать, когда бездны еще не открыты в срединной части нашей земли. По новгородскому краю все прошло.

Прошло все отважное, прошло все культурное, прошло все верящее в себя. Бездны нераскрытые! Даже трудно избрать, с чего начать поиски.

Слишком много со всех сторон очевидного. Чему дать первенство? Упорядочению церквей, нахождению старых зданий, раскопкам в городе или под городом в самых древних местах?

Наиболее влекут воображение подлинный вид церквей и раскопка древнейших мест, где каждый удар лопаты может дать великолепное открытие.

На Рюриковском городище, месте древнейшего поселения, где впоследствии всегда жили князья с семьями, все полно находок. На огородах, из берегов беспрестанно выпадают разнообразные предметы, от новейших до вещей каменного века включительно.

Чувствуется, как после обширного поселения каменного века на низменных Коломцах, при впадении Волхова в Ильмень, жизнь разрасталась по более высоким буграм, через Городище, Нередицу, Лядку — до Новгорода.

На Городище может быть найдутся остатки княжских теремов и основания церквей, из которых лишь сохранилась одна церковь, построенная Мстиславом Владимировичем.

Какие поучительные таблицы наслоений жизни может дать исследование такого старинного места. Обидно, когда такие находки разбегаются по случайным рукам.

Кроме Городища целый ряд пригородных урочищ спорит о древности своего происхождения.

Коломцы (откуда Передольский добыл много вещей каменного века) Лядка, Липна, Нередица, Сельцо, Раком (бывший дворец Ярослава), Мигра, Зверинцы, Вяжищи, Радятина, Холопий городок. Соколя Гора, Волотово, Лисичья Гора, Ковалево и многие другие урочища и погосты ждут своего исследователя.

Но не только летописные и легендарные урочища полны находок. Прежде всего повторяю, сам город полон ими. Если мы не знаем, чем были заняты пустынные бугры, по которым несомненно прежде тянулось жилье, то в пределах существующего города известны многие места, которые могли оставить о себе память.

Ярославле Дворище (1030 г.), Петрятино Дворище, Двор Немецкий, Двор Плесковский, два Готских Двора, Княжий Двор, Гридница Питейная, Клеймяные Сени, Дворы Посадника и Тысяцкого, Великий Ряд, Судебная Палата, Иноверческие ропаты (часовни), Владычни и Князьи житницы, наконец, дворы больших бояр и служилых людей — все эти места, указанные летописцами, не могли исчезнуть совсем бесследно.

На этих же местах внизу лежит и целый быт долетописного времени.

Все это не исследовано.

Дико сказать, но даже Детинец новгородский и тот не исследован, кроме случайных хозяйственных раскопок.

Между тем Детинец весьма замечателен. Настоящий его вид немногого стоит. Слишком все перестроено.

Но следует помнить, что место Детинца очень древнее, и площадь его, где в вечном поединке стояли Княж-Двор и с Владычной стороны св. София, видела слишком многое.

Уже в 1044 году мы имеем летописные сведения о каменном Детинце. Юго-западная часть выстроена князем Ярославом, а северо-восточная — его сыном св. Владимиром Ярославичем. Хорошие, культурные князья! От них не могло не остаться каких-либо прекрасных находок.

Словом огромный новгородский курган не раскопан. Можете начать его, откуда хотите, откуда удобнее, откуда более по средствам и силам.

Хотите ли заняться восстановлением церквей? У вас тоже есть всюду работа, так как в каждой старой церкви что-нибудь нужно во имя искусства исправить.

Возьмем, что легко вспомнить.

Красивая церковь Петра и Павла на Софийской стороне испорчена отвратительной деревянной пристройкой. Уровень храма был на целый этаж ниже. На стенах несомненно были фрески.

В церкви Федора Стратилата у Ручья замазаны фрески. Их следует открыть.

В Николо-Дворищенском соборе на стенах совершенно непристойная живопись. Были фрески: вероятно, что-нибудь от них сохранилось.

У Федора Стратилата на Софийской стороне замазаны цветные изразцы.

В Благовещенской церкви на Рюриковом городище фрески далеко не исследованы.

Также не исследованы вполне стенописи в Волотове и Ковалево. В Ковалево

ясно видны три слоя живописи. Из них нижний слой, конечно, наиболее интересен.

Можно привести длинный список всего, что нужно исправить в церковной старине Новгорода.

Длинен мог бы быть и список неисправимого.

Умерло многое уже на наших глазах.

Под непристойною работою Сафоновской артели погиб Софийский храм. Приезжие иностранцы недоумевают о такой невообразимой для первоклассного собора росписи. Чуждыми и странными кажутся случайно сохранившиеся еще иконостасы и отдельные иконы.

Без горести нельзя вспомнить о погибшей внешности Нередицкого Спаса.

Сиротливо стоит Новгородская глава на новых византийских плечах. Нелепы византийские формы при глубоко ушедших в землю фундаментах. Нестерпимо сухи вновь пройденные карнизы и углы.

Смотрю на Спаса и еще раз мысленно говорю Покрышкину, что он сделал со Спасом прескверное дело. Поступил не по-христиански.

На собрании общества архитекторов-художников, после моего доклада о Спасе, Покрышкин только сказал: — «Дело вкуса».

Он прав. Ничего другого ему сказать и не оставалось. И на это сказать тоже нечего. Станный, бедный вкус!

В середине Спаса теперь часто копошатся художники. Зарисовывают.

Вспоминаю, что во время моих первых поездок по старой Руси не встречалось так много работающих над стариной.

Значит интерес растет. Наконец-то!

Случайная встреча еще раз подсказывает, что в Новгороде искать надо.

Ехали мы в Коломец, к Ильмену.

От Юрьевского скита закрепчал «боковик». Зачехала вода по бортам. Перекинуло воду. Залило.

Затрепетала городская лодка. Подозвали мы тяжелую рыбацью ладью; в ней пошли на Коломец.

Старик-рыбак держал рулевое весло. За парусом сидела дочка. На медном лице сияли белые зубы.

Спросили ее:

— Сколько тебе лет?

— А почему знаю.

— Да неужели не знаешь. Ну-ко вспомни. Подумай!

— Не знаю, да, верно, уже больше двадцати.

И сидели рыбаки крепкие. Такие помирают, но не болеют.

На Коломце скоро заторопил старик обратно:

— А то, слышь, уеду! Лодки-то сильно бьют!

Заспешили. Забрались на рыбацью корму, но городская лодка с копальщиками не сходила с берега.

Трое гребцов не могли стронуть ее.

— Али помочь вам? Садитесь вы все! Пошла по глубокой воде дюжая новгородка.

Взялась за лодку, и со всеми гребцами легко проводила в глубину. С воды прямо взобралась на корму.

Сущя Марфа Посадница.

А рядом, на высокой корме, сидел ее старик. Суховатый орлиный нос. Острые запавшие глаза. Тонкие губы. Борода — на два больших кудряша. И смотрел на волны зорко. Одолеть и казнить их собрался.

Сущий Иван Грозный.

Марфа Посадница, Иван Грозный! Все перепуталось, и стала встреча с диковатыми рыбаками почему-то нужною среди впечатлений.

Такой народ еще живет по озерам. Редко бывает в городе. Так же, как земля,

умеет он хранить слова о старине. Так же, как в земле, трудно узнать, откуда и с чего начать с этим народом.

Везде нетронуто. Всюду заманчивые пути творчества. Всегда богатые находки.

Придут потом другие. Найдут новые пути. Лучшие приближения. Но никто не скажет, что искали мы на пустых местах. Стоит работать.

1910

НОВГОРОДСКИЕ СТЕНЫ

Доклад на 4-м Съезде зодчих

К числу наиболее цельных, грандиозных и сравнительно еще сохранившихся памятников относятся городские кремли и «детинцы». До сих пор они оставались неисследованными, и даже московский кремль, стоящий у всех на виду, по странному недоразумению, не имеет обмерных чертежей. Лишь в прошлом году И. военно-историческое о-во приступило к обмеру новгородского кремля, также мало исследованного. Теперь он стоит заброшенный, разрушающийся; башни и стены лишены какого-либо ухода и охраны от беспрепятственного растаскивания кладки и деревянных частей и сплошь заросли кустарником, делающим их осмотр совершенно невозможным. Особенно поражает своею ветхостью прясло северной части кремля, а также часть южной его стены, совершенно лишенная крыши и поросшая кустами.

О прошлом новгородского кремля можно судить по изображениям его в церквах Знаменской, Михайловской, Флоровской и Хутынской, относящимся к XVI и XVII векам. При восстановлении плана Новгорода до XVI в. приходится прибегать исключительно к летописным памятникам. По этим летописям первые упоминания о новгородском Детинце относятся к 1044 г., когда он был окружен вром, валом и деревянными стенами; только в 1302 г. появляются сведения о каменных башнях и стенах. Проследить же первые переделки кремля хронологически — дело почти невозможное. Между прочим, этот кремль носит следы переделок, произведенных Петром Великим в силу военных соображений для укрепления города против шведских войск. Из переделок за XIX в. самой значительной является восстановление в южной части кремля стены, рухнувшей в 1862 г. Эту очень неудачную работу можно объяснить только крайней ее спешностью; так, рисунок зубцов прясла совсем не похож на зубцы, оставшиеся на старых пряслах.

Расположенный на горе, на правом берегу р. Волхова, новгородский кремль имеет в настоящее время 9 башен; из них пять — Дворцовая, Княжная, Кукуевская, Покровская и Тюремная — квадратного плана, две — Спасская и Владимирская — представляют в плане продолговатый треугольник, изогнутый вместе со стеной, и две — Митрополичья и Федоровская — круглые. Судя по изображениям Детинца на иконах, было еще четыре башни: Воскресенская, Богородицкая, Борисоглебская и Неревская; две первые служили воротами.

К югу от Богородицких ворот, или московского въезда идут: подновленная в 1862 году стена. Дворцовая башня, в которой помещается теперь архив, затем старое прясло стены с башней Спасской, бывшими Псковскими воротами. Состояние башни самое безотрадное: во всех стенах трещины, железные связи лопнули, штыри выгнулись. Далее следует Княжная башня, еще недавно служившая вещевым складом местного гарнизона; теперь все внутренние деревянные стены и лестницы полуразрушены и висят, еле держась. Раскопками, произведенными перед башней в прошлом году, обнаружены остатки стен и фундаментов постройки, по ширине равнявшейся самой башне и выступавшей вперед на 10 метров. При раскопках найдены цветные изразцы и много железных предметов домашнего

обихода: петли, замки, ножи, гвозди. В соседних с этой башней пряслах находятся камеры в виде комнат; некоторые из них с опускаемыми колодцами, ведущими наружу кремля.

Далее к северу стоит Сторожевая, или Кукуевская башня, самая высокая в кремле (7 этажей, около 16 саж.). Кладка — из кирпича, за исключением двух нижних этажей, которые, как и все стены и башни кремля, лишь облицованы кирпичом, внутри же уложены булыжником и плитой на известковом растворе. Примеры подобной облицовки, указывающей на позднюю переделку, можно найти в кремле повсеместно, причем кирпичная часть отстает от каменной и обваливается. Квадратный план Кукуевской башни на шестом этаже переходит при помощи парусов в восьмиугольный, над которым на купольном своде стоит восьмиугольник седьмого этажа. Все этажи разделяются сводами, по которым были уложены кирпичные полы; все лестницы уничтожены, за исключением одной каменной, между 5 и 6-м этажами; оконные и дверные проемы снабжены кирпичными наличниками, очень чистой и правильной тески и кладки. Чем венчалась башня — зубцами или просто крышей — решить теперь трудно. Вход в башню устроен теперь через помещение в стене, из которого имеется также опускаемый колодец наружу; ранее же он вел через крайне интересную, вероятно четырехэтажную, пристройку, от которой теперь сохранились лишь остатки фундамента, обмеренные в 1891 г.

К северу от этой башни помещается Покровская башня, отведенная теперь под богадельню; рядом с ней Покровская церковь. Тюремная башня, ныне музей, испорчена переделкой; Митрополичья и Федоровская — в крайне запущенном виде. Наконец, Владимирская, служившая ранее воротами, полуразрушена и грозит обвалом.

Судя по изображениям Детинца на иконах, во всех надворных башнях были устроены церкви; кроме последних в кремле было еще 27 церквей, из которых сохранилось только шесть. Кроме церковных сооружений в кремле было много приходских построек, что подтверждается и прошлогодними раскопками, которые одни в состоянии теперь выяснить план всего Детинца и хронологическое наложение его построек.

Новгородский кремль, башни и стены его дошли теперь до такого состояния, что всеми ясно сознается необходимость принятия немедленных мер к его сохранению. На капитальный ремонт потребовались бы крупные суммы и сложные подготовительные работы в виде обмеров, чертежей и т. п. Желательно произвести лишь мелкие работы, возможные в данное время, тем более, что на них ежегодно отпускаются определенные средства. Но эти работы надо произвести умелой рукой: все те переделки, которые в настоящее время производятся в виде забивания дверей и окон в башнях ставнями, подправки крыш и пр., не приносят решительно никакой пользы. Необходимо руководство знающих людей, которое, вместе с вниманием и желанием помочь делу, могло бы сохранить еще надолго один из самых интересных памятников северной Руси.

<В прениях по этому докладу высказались: Н.Н.Щербина-Крамаренко — за распространение предложения докладчика на все памятники старины обширной России и А.Е.Элкин — за обращение в Государственную Думу с надлежаще мотивированным ходатайством об отпуске средств, необходимых для реального осуществления охраны этих памятников.

Эти пожелания отделом приняты.>

ТИХИЕ ПОГРОМЫ

Скучно быть обидчиком и ругателем.

Скажут: «Злой человек! Не умеет жить в “хорошем” обществе. Трогает, что не следует. Не умеет во-время закрыть глаза и заткнуть уши. Только себе вредит».

Сожалеют доброжелатели.

И вот учишься быть благодушным. По возможности не смотреть, меньше знать, делать свое дело. Пусть себе! Снова поклоны становятся внимательнее и взоры мягче. Предполагают: «кажется, летний отдых повлиял благоприятно».

Но дорога русского благодушия полна бесконечных испытаний.

Нельзя выехать никуда. Из дома нельзя выйти.

Каждая встреча приносит престранные сведения.

Как быть с ними?

В каталоге смоленского городского археологического музея приходится читать:

«Окаменелые дождевые черви, окаменелые сыроежки, голова идола с чертами, проведенными масляной краской и т. п. редкости».

Смеешься и благодушествуешь:

— Ну, черви так черви! Сыроежки так сыроежки. Шут с ними и с червями, и с Писаревым, и с Орловским, которые так научно написали.

Рассказывают о бывших исчезновениях предметов из новгородского музея.

Все-таки благодушествуешь:

— Может быть вещи попали в более надежные руки. Опять же и предопределение!

Передают о вновь найденном в раскопе идоле, который несколько лет назад пропал из костромского музея. Стал невидим (так не будет ничего преступного).

Неукоснительно благодушествуешь:

— Да процветает научная точность и безукоризненность. Да здравствуют точные выводы, построенные на фактах из раскопок! Да живет точное распределение веков и предметов!

Шепчут, как из собраний одного еще не открытого музея уже стали исчезать вещи.

Собираешься с силами и благодушествуешь:

— Хоть и плохое начало для музея, но хвала Создателю, если начали пропадать вещи еще до открытия музея, иначе неприятности было бы больше.

Показывают, как в Мирожском монастыре, после недавней «реставрации» Сафонова, обваливается вся живопись и тем погибает превосходный памятник.

Приходится уже плохо, но кое-как благодушествуешь:

— Сафонов уже много храмов испортил. Прибавим к этому синодику еще одно имя, ведь все равно Сафонову поручат новые работы. Все равно не остановишь шествия вандалов.

Пишут горестные письма и ведут показать, как чудесного седого Николу Мокрого в Ярославле сейчас перекрашивают снаружи в желтый цвет, да еще масляной краской. Причем совершенно пропадает смысл желтоватых фресок и желтовато-зеленых изразцов, которыми храм справедливо славится.

Пробуешь неудачно «благодушничать», — так больше похоже на «малодушничать».

— «Таков обычай страны»...

При этом упорно твердят, что новое варварство в Ярославле делается с ведома Археологической комиссии. Будто бы комиссия разрешила и масляную краску.

Опять плохо благодушествуешь:

— Если комиссия избрала холерный цвет, пусть так и будет, теперь в Петербурге холера. И, вообще, не обижайте комиссию. Так и говорю! Слышите! Но здесь благодушничанье окончательно покидает. Становится ясно, что никакая комиссия не может разрешить и знать то, что делается сейчас в Ярославле.

Никто, сколько-нибудь имеющий вкус, не может вынести, чтобы белого Николу с его чудными зеленоватыми изразцами обмарали последствиями холеры.

Это уже невыносимо.

Или тут жестокий поклеп на Археологическую комиссию, или не завелась ли у нас подложная комиссия.

Пусть настоящая комиссия разъяснит, в чем дело. Пусть комиссия печатно объявит, что все, что делается с Николою Мокрым, сделано без всякого ее ведома и должно быть строго наказано.

При этом пусть комиссия все-таки пояснит, кто из художников решает в ней живописные вопросы.

По всей России идет тихий, мучительный погром всего, что было красиво, благородно, культурно. Ползет бескровный, мертвящий погром, сметающий все, что было священного, подлинного.

Когда виновниками таких погромов являются невежественные городские управления; когда в погромах действуют торгаши-иконописцы, потерявшие представление о «честном живописном рукоделии», когда презирает святыни спесивая администрация, — тогда все ясно, тогда остается горевать. Остается утешаться примерами дикости из прежних веков.

Но когда среди имен вандалов клеветают на Императорскую Археологическую Комиссию, тогда в смятении умолкаешь.

Куда же идти?

Кто же защитит прекрасную древность от безумных погромов?

Печально, когда умирает старина. Но еще страшнее, когда старина остается обезображенной, фальшивой, поддельной. Это страшнее всего и больше всего подлежит наказанию.

Кто бывал в Ярославле и видал храм Иоанна Предтечи в Толчковской слободе, тот теперь не узнает его.

Храм «промыт».

Это тот самый храм, про который я уже писал: «Осмотрите в храме Иоанна Предтечи в Ярославле. Какие чудеснейшие краски вас окружают! Как смело сочетались лазоревые воздушнейшие тона с красивою охрою! Как легка изумрудно-серая зелень и как у места на ней красноватые и коричневатые одежды! По тепловатому светлому фону летят грозные архангелы с густыми желтыми сияниями, и белые их хитоны чуть холоднее фона. Нигде не беспокоит глаз золото, венчики светятся одною охрою. Стены эти — тончайшая шелковистая ткань, достойная одевать великий дом Предтечи!»

Так искренно пелось об этом замечательном храме. Теперь дом Предтечи «археологически» промыт. Промыт будто бы под призором Археологической комиссии.

На «промывку» и восстановление потрачено, как говорят, около шестидесяти тысяч рублей.

Вся поэзия старины, вся эпидерма живописи смыта богомазами.

Достоинство храма до «исправления» было безмерно высоко. Говорим так небездоказательно.

Каждый из художников, бывших прежде у Иоанна Предтечи, конечно, вспомнит, насколько было лучше.

Было художественнее, было тоньше, было благороднее, было несравненно ближе к великолепным стенописям Италии.

Пропал теперь тонкий серо-изумрудный налет травы; пропали серые полутона всех белых частей стенописи; исчезла синева — выскочила синька.

Словом, все то глубоко художественное и религиозное, что струилось и горело в живописном богатстве, — все это небесное стало земным, грубым, грешным.

Искусство, одухотворенное священной кистью времени, «поправили!»

Самомнительно и святотатственно разрешили великую задачу, связующую мудрость природы, работу времени и труды человека.

Пришел некто «серый» и решил, что все завершенное временем не нужно, что он — «малый» — знает лучше всех, как следует снять будто бы лишние покровы.

Не кто иной, как он — «маленький» — знает, какие именно были люди, отделенные от нас резкими гранями культуры.

Как далеко такое самомнение от проникновенного стремления сохранить, от желания уважать, любить любовью великою.

Даже храм, прекраснейший своими чертами и красками, не способен был вызвать заботливую, ревнивую любовь.

Да существует ли она на самом деле?

И так, понемногу, в тишине, гromится духовное богатство Руси.

Незаметно погромляется все то, что было когда-то нужно, все то, что составляло действительное богатство и устои народа.

Погром страшен не только в шуме и свисте резни и пожаров, но еще хуже погром тихий, проходящий незаметно, уносящий за собою все то, чем люди жили.

Позади остаются мертвые скелеты. Даже фантастический «танец смерти» не свойственен неподвижным «промытым» остовам.

И вводится в заблуждение народ, и не может отличить он, где источники живые и где мертвящие.

Толкуя о высоких материях, мы учим молодежь по мертвым буквам. Учим на том, что «промыто» невежественною рукою. Будем учить по подложному!

Те, кто решается сказать, что сейчас храм Иоанна Предтечи выглядит лучше, нежели был семь лет тому назад, — могут ли они утверждать, что видели его теперь и тогда.

Если не видели, то не должны и говорить.

Если видели и все-таки скажут, что храм теперь лучше, — тогда пусть наймутся сапожным ремеслом.

Стенопись храма Иоанна Предтечи в Толчкове испорчена.

Кто же это сделал? Кто наблюдал?

Защищайтесь!

Не думайте отмолчаться. Не думайте представиться, что вопрос ниже вашего достоинства.

Спрашиваю не я один, беспокойный.

Ждут ответа тысячи людей, которым искусство и красота старины близки.

Даже скромный ярославский обыватель шепчет:

— «...Ведь не мягкой щеточкой, не ситным, а водою, да зеленым мылом стены-то мыли. Да и заправляли тоже! А разве новое-то под старину подойдет?»...

Почти неграмотный человек почувствовал возмущение и шепчет его робкими словами.

Дом Предтечи стал просто церковью, где продаются свечи, требы, молитвы.

Кто же следил за этим «делом»?

На какого художника возложила Археологическая комиссия такое ответственное, творческое обновление работы времени и многих неведомых людей?

В комиссии бывают архитекторы, но пусть скажут, кто из художников взялся так нелепо, по-варварски обойтись с прекрасным стенным покрытием?

Пусть непременно скажут.

Такое имячко надо записать «погромче».

Ведь не могли же трогать живопись без живописца.

Это ясно.

Вообще, положение охранения памятников осложнилось еще тем что чем бы ни ужаснулся зритель, ему слишком часто отвечают:

«Сделано с ведома Археологической комиссии».

Неуместный проблеск благодушия.

Не злоупотребляют ли именем Археологической комиссии?

Не завелась ли где-нибудь подложная комиссия?

Теперь так много подлогов.

О надзоре за «промытием» храма Иоанна Предтечи в Толчкове пусть археологическая комиссия непременно все разъяснит.

На нее в народе растет слишком неприятное и очевидное обвинение.

1911

ЦЕРКОВЬ ИЛЬИ ПРОРОКА В ЯРОСЛАВЛЕ

Любящий и знающий искусство человек только что пишет мне:

«Нужно написать что-либо по поводу опасности разрушения, грозящего церкви Ильи Пророка в Ярославле. Неужели и этот памятник погибнет?»

Новых сведений о несчастьях церкви Ильи Пророка у меня нет, но то состояние, в каком я видел храм два года назад, вызвало серьезные опасения. Если же за это время трещины в сводах не остановились, то недолго и до серьезного разрушения.

В недавнее время сильно пострадали две выдающиеся церкви Ярославля — Николы Мокрого и Ивана Предтечи. У Николы выкрасили желтой масляной краской чудесную белую с зелеными изразцами колокольню. Неслыханное безобразие! Церковь Ивана Предтечи внутри промыли: чистили так свирепо, что снесли все нежные налеты красок. Навсегда пропал чудный лазоревый фон и матово золотистая охра.

Не верю, чтобы после двух обидных недосмотров (выражаясь мягко) и третьему замечательному памятнику Ярославля грозила бы беда разрушения или смывки.

Деньги на поддержание церкви Ильи Пророка должны найтись в изобилии; ведь не оскудел еще Ярославль богатыми людьми. Самое исполнение работ должно быть безотлагательно поручено знающим и понимающим красоту старины людям. Не жестоким старателям и не холодным чиновникам. Теперь с каждым годом все пристальнее следят за памятниками старины тысячи любящих глаз.

Церковь Ильи Пророка не должна погибнуть. Прекрасные стены в теплых радостных красках, затканые чудесною живописью, должны стоять. Мы должны знать, что глупое темное время, когда расхищались, разрушались народные сокровища, ушло навсегда.

Ярославцы не осрамятся, не забудут про Илью Пророка.

1912

ОПОМНИТЕСЬ!

Письмо в «Биржевые ведомости»

Недавно станция Боровенка Николаевской железной дороги была переименована.

Это несчастье не должно пройти незамеченным. Необходимо теперь же громко защитить мудрую красоту русского языка, живущую в названиях городов, сел и урочищ.

Неужели вандализм и нерадивость, от которых повсеместно гибнут памятники русской старины, нашли себе еще новое поле действия?

Горько и страшно становится каждому русскому сердцу от мысли, что имена селений, из которых многие и многие имеют смысл исторический, из которых многие являются единственными источниками исторических исследований, стали доступны произволу забывающих родину и родное.

Анатолий Лядов.
Николай Рерих.
Сергей Городецкий.

*Петроград, 1912
Цветень, 28*

ЛУВЕН СОЖЖЕН

Послушайте.

Лувен сожжен. Варварское войско уничтожило прекрасные предметы всемирного значения. И не только армию винить надо. Теперь уже все знают, что немцы дики. Теперь уже пора вспомнить о так кичившейся «культурной» Германии. Надо вспомнить тех людей, которые в Германии называли себя любителями и хранителями искусства. Не о «кайзере» говорю. Он навеки явил себя безвкусицей истуканов «аллеи Победы» и лживостью речей, построенных по образцу темного нибелунга Миме. Говорю о тех самомнительных до наглости тайных советниках в роде Боден и К°. Они не только выдавали сомнительные определения, но и мнили себя охранителями искусства. Скажите, где их справедливое требование искусство уважать. Если они боялись за свою важную шкурку, то где их хотя бы униженные мольбы перед правительством о пощаде всемирного искусства. Надутые господа молчат, а может быть и ликуют. Теперь уже нечему удивляться. Когда справедливость будет воздавать должное геройству Бельгии, то не забудьте, что в немецких музеях имеются предметы, которые могут отчасти возместить бельгийские потери. Пусть из варварских рук искусство переходит в культурные, честные руки. Об этом поговорим еще после. Теперь только запомните: король Бельгии сторонился от Лувена, чтобы обезопасить его от случайного обстрела, а немцы жестоко и кровавадно уничтожили этот прекрасный древний город.

Бельгии — слава. Германии — вечный позор.

1914

БЕРЕГИТЕ СТАРИНУ

Сегодня до меня дошли вести, которые, если бы даже оказались слухами, то все-таки заслуживают ближайшего внимания.

Мне сообщили, что высланные во внутренние губернии немецкие подданные «при сей верной оказии» занялись скупкою русских древностей.

И теперь, если только мы вспомним большое количество высланных и вспомним центральные губернии, изобилующие древностями и художественной стариной, то станет ясно, какой безграничный вред и в этой области могут нанести наши внутренние враги.

Дело местной древности находится в руках архивных комиссий, отделов «общества памятников старины» и прочих археологических и художественных учреждений.

Хотя, очевидно, война оторвала из этих сфер очень многих деятелей, но и оставшимся необходимо неожиданно уделять силы на борьбу с новыми проделками

врагов, очевидно, пользующихся всеми способами, чтобы нанести ущерб русской культуре.

Кто бы мог думать, что хищные германцы не оставят в покое такой, казалось бы, удаленной от них области, какую представляют древности и художественная старина наших центральных губерний?

Еще раз, берегитесь немцев и помните, какой скрытый на первый взгляд и огромный по последствиям ущерб могут нанести нашему еще молодому делу охраны и изучения старины и искусства разосланные внутрь страны враги.

1915

«ДИВИНЕЦ»

По холмам курганы стоят. Берегут память подвигов. Здесь герои прошли. Священное место.

Зеленеют ли курганы мшистыми шапками, заросли ли буйным орешником, шелестят ли высокими макушками сосен, но мир и покой в местах упокоения славных.

Бесконечно синеют дали. Желтеют поля. Столпились села. Но вне обыденной жизни высятся курганы. И время щадит их священный смысл.

Полные душевного покоя приходим мы посидеть на валунах оснований насыпи. Великое место — всем векам и народам.

Великое время складывает и великую память. Наши славные герои, павшие в борьбе с врагами рода человеческого, должны лежать не на тесных городских кладбищах.

Славный подвиг должен запечатлеться местом особым, местом высоким. Великая смена жизни должна быть отмечена курганом великой войны.

Когда мне выпала честь украсить могилу нашего баяна Римского-Корсакова, первая мысль была: вершина кургана с Новугородским крестом в круге вечности.

Но на кладбище тесно кургану. Ему нужен простор поля, широкие дали, холмы. Я вижу братские могилы — курганы на полях брани. Вижу их и близко от столиц.

Вся Русь боролась. Пусть каждый город сохранит возле себя подлинный памятник геройства.

О смерти ли говорить? Не отводить ли маленькими шествиями павших в бою на мирные кладбища?

Можно говорить о смерти тем, кто ее не боится. Кто мужественно знает, что в смерти идем отдыхать.

А Русь умирать умеет. Умеет умирать на поле битвы. Умеет умирать мирно, со свечою в руке.

Умеет Русь хранить и священную память. Если в мятущемся городе с его нестройными толпами быстро исчезают кладбища, если над сотрудниками Петра уже раскинулся Ботанический Сад, то вне суеты, на просторе, где люди к земле прикасаются и черпают из нее силу, там курганы живут тысячелетия.

Открываются глаза наши. Будни ушли. Серое вчера сменилось великим сегодня и бесконечным в значении — завтра.

Правда, создадим красивую память героям. Создадим прекрасные усыпальницы, овеванные чистым ветром, украшенные дарами природы.

Около Петрограда, около Царского Села есть холмы. И на них запечатлется память героев. И придут люди к курганам. И прочтут на валунах священные слова. И обновятся духом.

— Что у вас там под соснами на холме?

— А там наш Дивинец. Там в давние времена богатыри схоронены.

«Дивинец». Диво. Диво дивное. Чудо чудное.
Чудесные слова знает Русь.

1915

НОВГОРОДСКИМ СТРОИТЕЛЯМ

«Богатое место Городище. Кругом синие заманчивые дали. Темнеет Ильмень. За Волховом — Юрьев и бывший Аркажский монастырь. Правее сверкает глава Софии и коричневой лентой изогнулся Кремль. На Торговой Стороне белеют все храмы, что «кустом стоят». Виднеются Лядка, Кириллов монастырь, Нередица, Сельцо, Сквородский монастырь, Никола на липне, за лесом синее Бронница. Все как на блюдечке с золотым яблочком».

Так писал я в 1910 году, после раскопок в Новгороде.

Теперь слышу, что именно этот замечательный исторический вид собираются перерезать железнодорожным мостом. Даже болотистое место, даже изменчивое русло Волхова около Ильменя не страшит, лишь бы испортить одну из лучших страниц нашей старины. И нет желания попытаться перенести линию по другую сторону Новгорода.

С горечью знаем, что мы не любим свое. Знаем, что защита своего, древнего, прекрасного вызывает мало сочувствия и много угроз и насмешек. Но все же во имя культуры, во имя уважения к прошлому, во имя лучшего будущего попросим еще раз: пощадите Новгород. Обойдитесь бережно с этой колыбелью русской общественности.

Перерезать, отемнить один из лучших русских видов легко. Испортить, очернить, оклеветать — самое любимое занятие темных людей.

Но попытайтесь без ущерба поднять город; привлечите к нему новые силы, не зарывая светлые дали.

Новгород берегите.

1916

ЗА НОВГОРОД

Мне пишут: «Ну что же ваши общества, где они и что ими охраняется? Организуйте защиту — вся ваша деятельность взывает к вам». При письме прислана искренняя статья А.Анисимова из «Речи» о нелепом проекте проведения железной дороги через Новгород, которая перережет самые священные, исторические места.

Радуюсь, что находятся люди, восставшие за священность и красоту старины; отчасти могу их успокоить.

Общество защиты памятников искусства и старины уже весною обсуждало это возмутительное дело и, конечно, единогласно и горячо решило воспрепятствовать нелепому проекту; затем была мною передана в совет общества записка о значении мест, подвергающихся опасности искажения. Не было двух мнений о том, что прикасаться к лучшим историческим местам кощунственно и немыслимо в наши дни понимания настоящих государственных народных ценностей.

О значении этих самых мест Новгорода мне пришлось писать еще в 1910 году, по поводу раскопок в новгородском Детинце, а теперь, чтобы не повторяться, скажу только:

Стыдно нам, если и в наши дни вырастают такие проекты. Неужели наше строительство, так нужное и долгожданное, должно проходить лишь среди кощунства над лучшими местами государства. Неужели это нельзя предвидеть и вести проект дороги по ту сторону Новгорода, где ничто не нарушится, да, кстати, и

болот меньше.

Верю, что министр путей сообщения не даст совершиться делу непоправимому.

Все — для войны сейчас. Но все подвиги, все строительство и творчество должны быть с сознанием своего достоинства, во имя будущего роста отечества, при котором священность лучшего прошлого — залог культурного и светлого будущего — ляжет краеугольным камнем.

Если германцы безгранично унизили свою прошлую культуру злодеяниями в Лувене и Реймсе, то неужели мы можем повредить нашу колыбель общественности, наш священный Великий Новгород?

1916

СТРОИТЕЛЬСТВО

Тихий погром все-таки совершается. Все статьи о Новгороде мало помогают. Железная дорога и длиннейший мост все-таки еще могут порезать лучшие, священные места.

Из Новгорода пишут:

«Не помогли все голоса печати. Инженеры и промышленники не обращают внимания. Все заявления не трогают их».

Подумаем, время ли говорить о лучших новгородских местах, когда гремит мировая война? Не все ли равно, где и как, лишь бы провести долгожданный путь.

Конечно, путь необходим. Надо радоваться, что он поможет обойденному Новгороду воскреснуть и восстать к жизни. Но «как» проводить путь — этот вопрос всегда неизменен. Еще есть время одуматься. Если враги наши делают непоправимые шаги, то и этими, обреченными, возмущаемся. Но нам, при всех светлых возможностях, сделать что-либо потом осужденное уже непростительно.

Свидетелей славного минувшего остается так мало. У нас, всегда легко от своего отрекавшихся, столько испорченного, перестроенного, искаженного. Даже в центре столицы искажен блестящий смысл адмиралтейства. Искражен актом случайным — продажей земли, входившей непосредственно в красивый замысел строителя. В Новгороде Нередица исковеркана случайным решением реставратора. Софийский собор записан грубыми богомазами, и негодные краски уже отваливаются хлопьями. Столько тихих погромов, что к случайно сохранившемуся надо прикасаться бережно и любовно. И в наши великие дни должна быть велика и бережность, и любовь. Если жестоко срубить вековое памятное дерево, то как же назвать уничтожение исторического вида? Как же отнестись к пагубе священного места Великого Новгорода, еще почти неисследованного?

Каково будет сознание, что под шум войны, когда, казалось бы, насторожены все лучшие и высокие чувства, сделалось нечто непоправимое, чего будем стыдиться глубоко.

И не будет у нас облегчения в сознании, что иначе нельзя было сделать. Будем изумленно недоумевать, почему путь не проложен другою стороною Новгорода, где и болот меньше, и мост короче, и русло Волхова менее изменчиво.

У всех будет стыдное чувство, что не уберегли достояние народа, народа молодого, который весь в светлом будущем.

Здесь не спор художника с инженерами. Здесь вопрос о достоянии народном, о том, что непоправимо. Подумайте над этим словом.

И все мы будем виноваты, если все-таки Новгород перережут. Мало убеждали. Мало настаивали. Мало любили. Думаю, что печатью вандализм будет еще вовремя прекращен.

В близком будущем на Руси, в обновленном строительстве, возникнут многие вопросы почти такого же значения. Надо к ним приготовляться.

Надо к закрытому глазу инженера придать глаз добрый и зрячий. При ведомствах путей сообщения, внутренних дел и землеустройства надо сделать орган, который присмотрит за красотой и историческим значением нарастающего строительства.

Конечно, не технические комитеты и управы к этому способны. Там мертвая буква, нужная в своих пределах, общежитейских. Не помогут и комиссии археологические, которые ограничены пределами науки. Должен явиться глаз художника, и совет художественный должен быть огражден. Россия растет могуче. Она должна наряду со знанием и техникой подумать и о красоте, и о значении духа.

Не улыбайтесь, господа инженеры, значение красоты и духа гораздо ближе к жизни и глубже в развитии государства, нежели вы полагаете.

Не мечтания художника, но жажда скорейшего и лучшего преуспевания всего

строю, всего лада жизни, заставит скоро всех поискать рычаги сильные и воздействующие.

За короткое время произошло столько необъяснимо великого. Так изменились отправные точки. Почувствовались перестроения, крупные и созидательные. Явились подвиги. К новым путям жизни готовиться надо. Этими путями пройдет красота и величие духа.

1916

ДВА ЛИКА

Собор в Юрьеве-Польском

— Где же ваш «сказочный» собор? Где же гордость Руси? Просто загнали вы нас в отвратительный город. Заставили смотреть бедную церковку, застроенную, замазанную. Пусть же вам за нас отомстят все блохи и клопы, которые напали на нас в Вашем сказочном городе.

Вернулись огорченные. Злые за то, что послал их смотреть собор Юрьева-Польского.

Значит не увидали. Заслонило что-то. Опять вылезло чудовище. Сколько дельных людей им перепугано.

Еще подождем. Рано еще. Глаза еще не открыты на значительное. Внимание еще остановлено плохим и ничтожным. Подождем, пока очистятся и смелости против чудищ наберутся.

Теперь другой лик.

Показал я молодежи новое издание гр. А.А.Бобринского «Резной камень в России».

В издании показаны храмы Владимира, Суздаля, Спас на Нерли и собор Юрьева-Польского. По счастью, зрители в этих городах не были. Их глаза еще не засорились всем тем, от чего отвернуться надо.

Резной камень привел молодежь в глубокий восторг.

Из всей группы Владимиро-Суздальских храмов самое высокое изумление вызвал, конечно, собор Юрьева-Польского. Истинная сказка заложена в этих приземистых стенах, затканых белокаменной резьбой. Бесконечно разнообразною, брошенной от богатства, от творчества неиссякаемого. Последыш самого красивого периода древней Руси, налитый романскою волною.

В канонические формы невольно влились бытовые подробности. Романские здания получили русский смысл.

Знаю, что резной камень (так же, как и прежние выпуски дерева) обратит на себя серьезное внимание наших западных друзей. Никогда не встречал я гр. Бобринского, но хочется сказать ему спасибо за прекрасную мысль давать в большом формате листы. Не убивая чрезмерным текстом возможности показать красоту в полном обличье и в частях, интересно ограниченных.

Такие изображения надо широко разбросать и в школах и в толпе. Каково недоумение, смущенность? Каков восторг и радость!

Два лика. Один обшарпанный, искаженный нашей безобразной действительностью. Лик избитый, неузнаваемый часто.

Но за пострадавшим ликом скрыт лик другой. Неумелому глазу недоступный.

В издании о резном камне все запечатлено много хуже, чем на самом деле, но эти листы вынесены из жизни. В них отразилась частица истинного лика. Эта часть уже так прекрасна, что даже неумелый глаз понимает великую ценность изображения. В поездках по Руси особенно поражает враждебная противоположность двух ликов. Хотя враждебна лишь чудовищная сторона. Истинный лик и величав и спокоен.

Указывая на различие случайного впечатления собора среди жизни и малого, но настоящего отражения в издании, хочется предостеречь молодежь, и нынче ищущую красоту Руси. Чтобы не пугались, не отчаивались, если широко раскрытым, доверчивым глазам покажется своеобразная личина. Это легко может случиться.

Но пусть помнят, что чудесною верою можно вызвать великий лик. Можно переступить за пределы глумления и глупости. Надо суметь. В поисках из-за безобразной личины прояснится лик чудесный и светлый.

1916

МАТЕРИ ГОРОДОВ

*Из древних чудесных камней сложите ступени
грядущего...*

Когда идешь по равнинам за окраинами Рима до Остии, то невозможно себе представить, что именно по этим пустым местам тянулась необъятная, десятиmillionная столица цезарей. Также когда идешь к Новгороду от Нередицкого Спаса, то дико подумать, что пустое поле было все занято шумом ганзейского города! Нам почти невозможно представить себе великолепие Киева, где достойно принимал Ярослав всех чужестранцев. Сотни храмов блестели мозаикой и стенописью — скудные обрывки церковных декораций Киева лишь знаем; обрывки стенописи в новгородской Софии; величественный, одинокий Нередицкий Спас; части росписи Мирожского монастыря во Пскове! Все эти огромные большею частью фигуры с мудрыми лицами и одеждами, очерченными действительными декораторами, все-таки не в силах рассказать нам о расцвете Киева времен Ярослава.

В Киеве, в местности Десятинной церкви, сделано замечательное открытие: в частной усадьбе найдены остатки каких-то палат, груды костей, обломки фресок, изразцов и мелкие вещи. Думали, что это остатки дворцов Владимира или Ярослава. Нецерковных украшений от построек этой поры мы ведь почти не знаем, и потому тем ценнее мелкие фрагменты фресок, пока найденные в развалинах. В Археологической Комиссии имелись доставленные части фрески. Часть женской фигуры, голова и грудь. Художественная, малоазийского характера работа. Еще раз подтверждается, насколько мало мы знаем частную жизнь Киевского периода. Остатки стен сложены из красного шифера, прочно связанного известью. Техника кладки говорит о каком-то технически типичном характере постройки. Горячий порыв строительства всегда вызывал какой-нибудь специальный прием. Думаю, палата Роггеров в Палермо дает представление о палатах Киева.

Скандинавская культура, унизанная сокровищами Византии, дала Киев, тот Киев, из-за которого потом восставали брат на брата, который по традиции долго считался Матерью Городов. Поразительные тона эмалей; тонкость и изящество миниатюр; простор и спокойствие храмов; чудеса металлических изделий; обилие тканей; лучшие заветы великого романского стиля дали благородство Киеву. Мужья Ярослава и Владимира тонко чувствовали красоту; иначе все оставленное ими не было бы так прекрасно.

Вспомним те былины, где народ занимается бытом, где фантазия не расходует только на блеск подвигов.

Вот терем:

«Около терема булатный тын,
Верхи на тычинках точеные,
Каждая с маковкой-жемчужинкой
Подворотня — дорог рыбий зуб,

Над воротами икон до семидесяти;
Серели двора терема стоят,
Терема все златоверховые;
Первые ворота — вальящетые.
Средние ворота — стекольчатые,
Третьи ворота — решетчатые».

В описании этом чудится развитие дакийских построек Траяновой колонны.

Вот всадники:

«Платье-то на всех скурлат-сукна,
Все подпоясаны источенками,
Шапки на всех черны мурманки,
Черны мурманки — золоты вершки;
А на ножках сапожки — зелен сафьян,
Носы-то шилом, пяты востры,
Круг носов-носов хоть яйцом прокати,
Под пята-пята воробей пролети».

Точное описание византийской стенописи.

Вот сам богатырь:

«Шелом на шапочке как жар горит;
Ноженки в лапотках семи шелков.
В пяты вставлено по золотому гвоздику,
В носы вплетено по золотому яхонту.
На плечах шуба черных соболей,
Черных соболей заморских,
Под зеленым рытым бархатом,
А во петелках шелковых вплетены
Все-то божьи птичущки певучие,
А во пуговках злаченных вливаны
Все-то люты змеи, зверюшки рыкучие»...

Предлагаю на подобное описание посмотреть не со стороны курьеза былинного языка, а по существу. Перед нами детали — верные археологически. Перед нами в своеобразном изложении отрывок великой культуры, и народ не дичится ее. Эта культура близка сердцу народа; народ горделиво о ней высказывается.

Заповедные ловы княжеские, веселые скоморошьи забавы, мудрые опросы гостей во время пиров, достоинство постройки городов сплетаются в стройную жизнь. Этой жизни прилична оправа былин и сказок. Верится, что в Киеве жили мудрые богатыри, знавшие искусство.

«Заложил Ярослав город великий Киев, у него же града суть Златая Врата. Заложил же и церковь святая Софьи, митрополью и посем церковь на Золотых Воротах святое Богородице Благовещенье, посем святого Георгия монастырь и святая Ирины. И бе Ярослав любя церковныя уставы и книгам прилежа и почитая с часто в нощи и в дне и списаша книги многы: с же насея книжными словесы сердца верных людей, а мы пожинаем, ученье приемлюще книжное. Книги бо суть реки, напояющи вселенную, се суть исходища мудрости, книгам бо есть неисчетная глубина. Ярослав же се, любим бе книгам, многы наложи в церкви святой Софьи, юже созда сам, украси ю златом и серебром и сосуды церковными. Радовавшеся Ярослав видя множество церквей».

Вот первое яркое известие летописи о созидательстве, об искусстве.

Великий Владимир сдвигал массы, Ярослав сложил их во храм и возрадовался о величии Христовом, об искусстве. Этот момент для старого искусства памятен.

Восторг Ярослава при виде блистательной Софии безмерно далек от вопля современного дикаря при виде яркости краски. Это было восхищение культурного человека, почуявшего памятник, ценный на многие века. Так было; такому искусству можно завидовать; можно удивляться той культурной жизни, где подобное искусство было нужно.

Не может ли возникнуть вопрос: каким образом Киев в самом начале истории уже оказывается таким исключительным центром культуры и искусства? Ведь Киев создан, будто бы так незадолго до Владимира? Но знаем ли мы хоть что-нибудь о создании Киева? Киев уже прельщал Олега — мужа бывалого и много знавшего. Киев еще раньше облюбовали Аскольд и Дир. И тогда уже Киев привлекал много скандинавов: «И многи варяги скуписта и начаста владети Польскою землею». При этом все данные не против культурности Аскольда и Диры. До Аскольда Киев уже платил дань хозарам, и основание города отодвигается к легендарным Кию, Щеку и Хориву. Не будем презирать и предания. В Киеве был и св. Апостол Андрей. Зачем прибыл в далекие леса Проповедник? Но появление его становится вполне понятным, если вспомним таинственные богатые культы Астарты Малоазийской, открытые недавно в Киевском крае. Эти культы уже могут перенести нас в XVI—XVII века до нашей эры. И тогда уже для средоточения культа должен был существовать большой центр.

Можно с радостью сознавать, что весь великий Киев еще покоится в земле, в нетронутых развалинах. Великолепные открытия искусства готовы. Эти вехи освещают и скандинавский век и дают направление суждениям о времени бронзы.

Несомненно, радость Киевского искусства создалась при счастливом соседстве Скандинавской культуры. Почему мы приурочиваем начало русской Скандинавии к легендарному Рюрику? До известия о нем мы имеем слова летописи, что славяне «изгнаша варяги за море и не даша им дани»; вот упоминание об изгнании, а когда же было первое прибытие варягов? Вероятно, что скандинавский век может быть продолжен вглубь на неопределенное время.

Как поразительный пример неопределенности суждений об этих временах нужно привести обычную трактовку учебников: «прибыл Рюрик с братьями Синеусом и Трувором», что по толкованию северян значит: «конунг Рурик со своим Домом (син хуус) и верною стражею (трувер)».

Крепость скандинавской культуры в северной Руси утверждает также и последнее толкование финляндцев о загадочной фразе летописи: «земля наша велика...» и т. д. и о посольстве славян. По остроумному предположению, не уличая летописца во лжи — пресловутые признания можно вложить в уста колонистов-скандинавов, обитавших по Волхову. Предположение становится весьма почтенным и текст признаний перестает изумлять.

Бывшая приблизительность суждений, конечно, не может огорчать или пугать искателей; в ней — залог скрытых блестящих горизонтов! Молодежь, помни о прекрасных наследиях минувшего!

Даже в самых, казалось бы, известных местах захоронены невоскресшие находки. Вспоминаю наше исследование Новгородского Кремля в 1910 году. До раскопок все старались уверить меня, что Новгородский Кремль давно исследован. Но не найдя никакой литературы о розысках жилых слоев Кремля, мы все же настояли на новых изысканиях. Часть Кремля оказалась под огородами, и таким порядком, ничего не нарушая, можно было пройти за глубину до 21-го аршина — до последнего Скандинавского поселения с характерными для IX—X веков находками. В последовательных слоях обнаружилось семь городских напластований, большею частью давших остовы сгоревших построек. Поучительно было наблюдать, как от X века и до XVIII можно было установить летописные и исторические потрясения

Новгородского Кремля. Разве не замечательно было знать, что даже такое центральное место, где стоит памятник Тысячелетия России, оказалось не исследованным? Конечно, мы могли произвести этот исторический разрез одной широкой траншеей, но можно себе представить, сколько осталось во всех прочих соседних областях!

Вспоминаю, это не во осуждение, но как завет молодежи о том, насколько мало еще сравнительно недавно знали родную старину: значит какие блестящие вскрытия предстоят каждому наблюдательному искателю!

Сколько истинных кладов заложено на Руси! Сколько замечательных путников прошло по нашим равнинам и какое великое будущее суждено! Пусть молодежь соединится всей силой тела и духа и для великолепных истинных достижений!

ПИСЬМО-ПРИВЕТ РЕРИХА «РОДНОЙ СТАРИНЕ» И РИЖСКОМУ КРУЖКУ РЕВНИТЕЛЕЙ СТАРИНЫ

Привет друзьям !

В далеких Гималаях сохранно перед нами лежат выпуски «Родной Старины». Здесь в далеких краях эти страницы еще милее и дороже. Истинный привет зачинателям древле-православного исторического вестника. Как прекрасна мысль запечатлеть все самое изначальное, самое драгоценное. При пожаре мира как в сохранную скрыню полагается истинное сокровище до сужденного часа. Сколько драгоценных устоев сохраняется в изображении древних храмов и святоотеческих преданий. Сколько прекрасных мыслей выявлено на страницах «Родной Старины». Все это так нужно, и будет еще нужнее. Острова духовные, отмеченные народной мудростью, озаряются огнями сердца. Для сердец молодых наглядные и доступные изображения близко напомнят о заветах духовных. Как на холме благовест звучат все призывы Рижского Кружка Ревнителей Старины. Как перезвоны малиновые звучат эти зовы о Благолепии, о победе над врагами адовыми, все исторические справки о монастырях, стихиры о Св. Иосафе, Царевиче Индийском, о зеркалах душ, славные напоминания о Св. Сергии Радонежском, просветителе народа Русского, о Белых Спасях, о Чудотворных Иконах, — все эти старательные писания пусть напомнят молодежи о путях извечных.

Именно в дни трудные, когда узко время и темны ночи, тогда драгоценно вспоминать об истинных сокровищах духа. Когда всем так безмерно трудно, разве не зовет колокол к Свету Единому. Звенигород Светлый по-прежнему белеет на перепутье к новому строению, и да не умолкнут освященные славной стариной колокола.

Шлю к Празднику Рождества Христова сердечный привет «Родной Старине» и Ревнителям Красоты Благолепной.

Духом с Вами.

Николай Рерих.

1933

ОПАСНОСТЬ РАЗРУШЕНИЙ

Листы дневника

В обрывке случайной газеты дошло сведение о том, что Успенскому собору, этой одной из величайших исторических святынь, угрожает опасность. Еще не так давно такое сведение было бы просто невообразимым. Просто сочлось бы недопустимым кощунством, невозможным для газетного листа. Но сейчас все делается возможным. Каждый день газетные листы пестрят самыми постыдными для человечества сообщениями.

В то же время какие-то невежды продолжают шептать: «Если Красный Крест был неуважаем во время минувшей войны, то и Знамя сохранения Священных Сокровищ Культуры тоже не будет почитаемо». Какое глубокое и косное невежество может изрекать эти вредные слова. Все равно, что если бы кто-то сказал: «Если существуют убийства, то к чему все заповеди и законы против этого преступления».

Лишь темный сатанинский ум может прельщать людское мышление, чтобы оно перестало заботиться обо всем том, чем жив дух человеческий. Существуют такие бездны тьмы, откуда проистекают все темно-прелестнические шепоты о том, что все облагораживающее, вдохновляющее и возвышающее человеческое сознание ненужно, несвоевременно и неуместно. Точно бы человечество готовилось вернуться к каким-то звериным временам.

Такие злошептатели и разлагатели, конечно, прежде всего сами являются участниками кощунственных, невежественных разрушений. Тот, кто сомневается в действительности доброго порыва и добротворчества, тот уже сам становится содейателем темных сил. Каждый сеятель сомнений уже есть сотворец зла. Сколько злобных и невежественных попустительств сотрудничало в уже свершенных, непоправимых злодеяниях. Не только те, кто мысленно этому попустительствовал, все они сотрудничали в том же позорном деле.

Когда кто-то шепчет, что несвоевременно думать о защите культурных ценностей, тогда тот или слеп или злонамерен.

Где же Симонов монастырь, где же собор в Овьедо, где же Шанхайская библиотека, где же старый Реймс, где же множество незаменимых наслоений священной древности, которое было сметено на наших глазах, среди так называемого культурного века? Почему же в Лувре, на Анжелюс Милле навсегда остались позорные дикие порезы? Ведь не полчищами Атиллы они нанесены. Ведь не вандалы и геростраты выразили в них свою звериную свирепость. Почему же эта невежественная свирепость должна проявляться на всем лучшем? А многие современники того будут лицемерно уверять, что вообще неуместно и тщетно даже мыслить о сохранении истинных сокровищ человечества.

Конечно, такие злошептатели, они и не творили сами, и не собирали, и никак не охраняли духовные ценности. Мало того, что они не собирали, они, конечно, и не изучали даже историю искусства и культуры. В самодовольном невежестве они пытаются вовлечь и общественное мнение в свою темную бездну. Они корчатся в злобных судорогах, когда слышат, что где-то и что-то сохраняется и изучается.

Вместо того, чтобы радоваться и сочувствовать осуществлению Пакта по охранению мировых Сокровищ Культуры, дикие невежды пытаются хоть чем-нибудь затруднить и то, казалось бы, всем понятное и простое в приложении стремление. Но как бы ни пытались невежды затруднить пути культуры, все же лучшие элементы человечества останутся на страже всего Священного, Прекрасного и Познавательного. Они перенесут через все потемки Светильник Добра не потушенным. Силою духа своего они воспротивятся всем кощунственным и невежественным разрушителям.

Если кто-то из друзей добра призовет и укажет, что где-либо величественная

святыня находится в опасности, то во всех просвещенных местах мира отзовутся лучшие голоса, и все благородное содрогнется от возможности нового злодеяния над святынями человечества.

Знамя — охранитель культурных ценностей будет путевым знаком в охране священных человечеству памятников.

Если, к прискорбию, с одной стороны злоба и невежество создают опасность разрушений, то не забудем, что именно теперь спешно происходит ратификация Пакта по охранению тех самых священных и неповторяемых памятников. Не забудем, что признание Красного Креста потребовало более семнадцати лет. Будем уверены, что не далеко то время, когда Знамя и Закон — охранитель культурных ценностей будет всемирным.

1914

ЧУТКИМ СЕРДЦАМ

Листы дневника

Сколько глав! Сколько золоченых и синих, и зеленых и со звездами, и с прорисью! Сколько крестов!... Сколько башен и стен воздвиглось вокруг сокровища русского! Для всего мира это сокровище благовестит и вызывает почитание. Уже сорок лет хождений по святыням русским. Напоминается, как это сложилось.

В 1894 г. Троице-Сергиева Лавра, Волга, Нижний Новгород, Крым. В следующем году — Киево-Печерская Лавра. Тайны пещер — «Стена Нерушимая». Стоит ли? Не обезображено ли?

В 96-м и 7-м «По пути из Варяг в Греки» — Шелонская Пятина, Волхов, Великий Новгород, Св. София, Спас-Нередицкий, все несчетные храмы, что, по словам летописца, «кустом стоят». В 98-м — статьи по реставрации Святой Софии, переписка с Соловьевым, Стасовым, а в 99-м Псков, Мирожский монастырь, погосты по Великой, Остров, Вышгород. В 1901 г. опять Новгородская область, Валдай, Пирос, Суворовское поместье. Мста со многими храмами древними от Ивана Грозного и до Петра Великого.

В 1903-м — большое паломничество с Еленой Ивановной по сорока древним городам от Казани и до границы литовской. Несказанная красота Ростова Великого, Ярославля, Костромы, Нижнего Новгорода, Владимира, Спаса на Нерли, Суздаля, всего Подмосковья с несчетными главами и башнями! Седой Изборск, Седно, Печеры и опять несчетные белые храмы, погосты, именья со старинными часовнями и церквями домовыми и богатыми книгохранилищами. Какое сокровище! Ужасно подумать, что может быть большей части его уже не существует.

Тогда же впервые оформилась мысль о нужности особого охранения святынь народных. Доклад в обществе архитекторов-художников. Сочувствие. Но не могло человеческое воображение представить, что через двадцать лет придется оплакивать гибель Симонова монастыря, который знал самого Преподобного Сергия. Придется ужаснуться разрушению Спаса на Бору и храма Христа Спасителя и негодовать при угрозе самому величественному Успенскому Собору.

В статье «По Старине» и во многих писаниях о храмах и стенах Кремлевских говорилось о том, чем незабываема Земля Русская. В 1904-м — Верхняя Волга, Углич, Калязин, Тверь, Высоты Валдайские и Деревская Пятина Новгородская. Одни названия чего стоят и как незапамятно древле звучат они! Через многие невзгоды и превратности устояли эти святыни. Неужели найдется рука, которая на них поднимется? В 1905-м — Смоленск, с Годуновскими стенами, Вязьма, Приднепровье. В 1907-м — Карелия и Финляндия, славные карельские храмы. От 1908 до 1913 — опять Смоленск, Рославль, Почаев. В 1910-м году раскопки Кремля Новгородского, оказавшегося неисследованным, а затем, до войны, и Днепровье и

Киевщина и Подолье. В 1913-м — Кавказ с его древностями, а 1914-м при стенописи в Святодуховской церкви в Талашкино получилась первая весть о Великой Войне. Нужно хранить!

Война, со всеми ее ужасами, еще и еще напоминает охранение всего, чем жив дух человеческий. Война! И Государь и Великий Князь Николай Николаевич сочувственно внимают предложению всенародной охраны культурных сокровищ. Вот, вот уже как будто и состоится! А вместо того — беда всенародная! Неужели нарушат?!

В 1917-18-м Карелия, Сердоболь, Валаам со всеми его островами. Святой остров! Владыка Антоний. Немало уже нарушено. В 1919-м, после Швеции и Норвегии — Лондон. Доклады и статья в защиту сокровищ искусства. О нерушимости святынь. О сокровищах народных. Во всех далеких странствиях думается о том же.

Бесчисленные развалины всюду напоминают о зловещих разрушениях. Исследуем. Запоминаем. И только в 1929-м году оформился Пакт по Сохранению Культурных Сокровищ. Спасибо Парижу и Америке, которые поняли, поддержали. Но ведь это еще только воззвание. Нужно, чтобы его услышали. А кругом столько гибели. С трудом вмещает сердце дикое разрушение. Но ведь взорван Симонов монастырь, запечатленный Преп. Сергием! Ведь уничтожен храм Христа Спасителя. Погублен Спас на Бору! Что-то с Киевской Лаврой? А где мощи преподобного Сергия?

Всеми силами спешим с Пактом. Но не коротки пути к миру. И не везде благоволение. Нужно перебороть и превозмочь. На конференции в Бельгии — протест против разрушения храма Христа Спасителя. Наши М.А.Таубе и Г.Шклявер подписывают протест. Печатаются статьи о Симоновом монастыре. Подчеркивается гибель Спаса на Бору. Статья «Охранение» в дальневосточной и русско-американской прессе молит об Успенском Соборе.

«Пьяные вандалы», «Друзья сокровищ Культуры», «Возобновление», «Охрана», «Правда нерушима», «Защита». Под всеми доходчивыми до сердца человеческими словами молим о сохранении Святынь в Культуре.

«Твердыня Пламенная» — в статьях: «Конвенции Знамени Мира», «Знамя», «О мире и культуре моления» и во многих других статьях, обошедших прессу Европы, Америки, Индии, говорилось все о том же сохранении.

В моем обращении к гор. Брюгге сказано: «Прилагаю мое воззвание, которое по постановлению нашего комитета в Нью-Йорке будет 27-го сего февраля прочтено во всех храмах. Не сомневаюсь, что собор Святой Крови и другие храмы Бельгии присоединятся к благому обращению нашего комитета».

Две конференции в Бельгии под председательством г.Тюльпинка и под покровительством Адачи, с выставкою священных исторических памятников, принесли много пользы. Наш Парижский комитет под председательством барона Таубе и при деятельном генеральном секретаре Шклявере много поработал над введением Пакта в сферу международного права.

Наконец, в ноябре 33-го года Вашингтонская конференция под покровительством министра агрикультуры Генри Валласа и под председательством Л.Горша привлекла уже представителей тридцати шести стран, которые подписали единогласное постановление, рекомендуя своим правительствам ратификацию Пакта.

Сейчас именно протекает ратификация Пакта. Приходится слышать о согласии на ратификацию из разных концов мира. В то же время деятельно сочувствуют и общественные комитеты. И в Латвии и в Болгарии находятся новые действенные друзья. Понимаю, что кто-то в нетерпении: «Когда же? Когда же?»... И мы сами в еще большем нетерпении. С еще большим трепетом оглядываемся на всякие развалины, искажения или небрежения.

Если люди давно понимали ценность священных культурных сокровищ, то

сейчас, в мировом смятении, они должны еще ярче вспомнить всю красоту лучших творений духа, чтобы тем сознательнее и упорнее ополчиться оружием света на защиту всего священного, прекрасного, научного.

Сведения о всяких разрушениях и искажениях поступают почти ежедневно. Если темные силы так действенны и организованны, то неужели же работники Культуры не найдут в себе объединительного сознания? Неужели сердце их не подскажет им, что взаимные умаления, оскорбления, разложения лишь останутся позорною страницей человечества?

Конечно, силы тьмы не желают видеть и считаться с действительностью. Они ведь питаются тлением и разрушением. Но будут ли носителями оружия света те, которые своим же будут наносить раны и вредить во имя того же тлетворного разложения? Прежде всего нужно знать и оценивать честно. Само сердце подскажет всю ценность сотрудничества, и все трудники во благо со всех концов мира убежденно воскликнут: «Тесно время! Удвоим усилие!».

* * *

Итак, после долгих усилий Пакт Охранения Культурных Сокровищ вступил на новую ступень и приближается к осуществлению. В это время требуется сотрудничество всех, для кого слово Культура не является только пустым звуком. Бережно, сочувственно, в благом сотрудничестве нужно помогать тем, которые во многих странах и часто в больших трудностях устремлены ко благу и созиданию.

1935

ПРАВДА НЕРУШИМА

Листы дневника

Как бы ни изошрялись темные разрушительные силы, но правда и созидание все-таки одержат верх.

«Свет рассеивает тьму». Эта старая истина применима во всем и всегда. И чтобы подтвердить ее, свет действия должен быть таким же объединенным, как и насыщенность тьмы. Каждый трудящийся на созидание, каждый работник Культуры, конечно, всегда и прежде всего должен помнить, что он не одинок. Было бы великим и пагубным заблуждением, хотя бы минутно, ослабить себя мыслью о том, что тьма сильнее Света.

Также должны все работники Культуры, стремящиеся охранить священное, прекрасное научное, должны они осознать, что сотрудники и союзники их обнаруживаются часто весьма неожиданно. Главное, чтобы среди этих просветленных, преданных делу соратников не проникало малодушие, холодность и безразличие. Великие слова поэта — «к добру и злу постыдно равнодушны» — не должны находить себе места ни в каких делах, касающихся великих дел Культуры.

Кроме вандалов-разрушителей существуют не меньшие вандалы-злошептатели; существуют слабоумцы сомнения, существуют невежды злобы, малодушья и клеветы. Нужно отдать себе полный отчет в том, что выступление за охранение высших начал вызывает лай всяких волков и шакалов. Если смысл созидания всемирен, то и борьба против всего светлого тоже происходит вне границ и наций. Потому-то так светло и доверенно должны сходиться между собой те, для которых маяк истинного света есть основа пути.

Кроме того, как я уже давно предлагал друзьям нашим, должны существовать как списки истинных сердечных сотрудников, так и списки разрушителей и явных и маскированных. Когда вы знаете врага, вы уже победили его. Когда узнаете и почувствуете гнезда противников Культуры, вы тем самым уже приобретаете и новые силы и новых союзников.

Но еще раз не забудем, насколько многообразны служители тьмы. Насколько различны их маски и какими ложными соображениями они прикрываются, чтобы тем более способствовать смущению, разрушению, разложению. Когда же вы попытаете занести на один лист этих разноликих служителей тьмы, вы будете поистине изумлены, увидев, что по существу они очень однородны. Изучите их многообразную деятельность, поймите систему ими проводимую, усмотрите, что находится в конечном итоге их словопрения — и вы узрите те же разрушительные облики. Потому-то так полезно выяснять как друзей, так и врагов Культуры.

В письме Комиссии Протеста Против Разрушения Храмов говорится:

«Жизнь учит нас, что никогда не следует опускать рук и поддаваться отчаянию. И Комиссия вновь предприняла все возможные от нее средства не только обратить внимание всех на готовящийся акт нового разрушения величайшей русской святыни, но и предприняла ряд активных действий практического характера, чтобы добиться внимания лиц и учреждений, имеющих возможность быть полезными в этом отношении».

«К счастью, в настоящем Комиссия уже не одинока: Всероссийский Крестьянский Союз и Пакт Рериха внушают ей бодрую мысль о возможности благоприятных результатов ее деятельности, лишь бы сами русские люди не поддавались вредному для дела малодушию или неверию в свой успех. Совместные настойчивые усилия все победят».

Именно лишь бодрость и неутомимость дают убедительность творению, а в убедительности заключены удивительные, привлекательные качества. Если люди во что-то верят, они и мыслят об этом и говорят об этом и действуют к тому же. Помню, один из очень тонких темных людей однажды сказал мне: «Да Вы обуяны этой идеей охранения культурных ценностей». Пусть так и будет. Во имя Культуры, во имя священного, прекрасного научного, нужно быть не только обуянным, но и неотвратимо прилежным. Ведь в этом понятии будет заключаться и оздоровление духа народов.

Опять-таки вспоминаю многозначительные речи, произнесенные на последней Вашингтонской конвенции нашего Пакта. Рад, что второй том материалов уже вышел и для многих станут доступными прекрасные утверждения, высказанные и Генри Уоллесом и синьором Альфаро и таким авторитетом, как Броун Скотт, и Гиль Боргесом и пламенным Дабо и всеми другими, так ярко выразившимися во время этой знаменательной конвенции, где среди представителей тридцати шести государств-народов не было разногласия. Такое созвучное единогласие, конечно, дало и положительные результаты.

К сему предмету у меня лежит отличное письмо покойного митрополита Платона, который тоже пламенно умел сказать истинное защитное слово. С тех пор много добрых знаков накопилось. Бывали и выпадать сил темных, но эти бесплодные попытки были немедленно оценены всеми разумными элементами и заслуженно осуждены, являясь только своеобразным резонатором.

Теперь получают прекрасные сведения из трех прибалтийских государств, к уже ратифицировавшим Пакт присоединился Сан Сальвадор. В Болгарии образовался прекрасный комитет Пакта, в который вошли лучшие представители Культуры. В журналах продолжают благожелательные статьи и призывы. В декабрьском номере «Нью Дайджест» опять комментируется поручение президента Америки — Рузвельта секретарю Уоллесу подписать ратификацию Пакта.

Во Франции и Бельгии продолжают работы комитетов, о чем сообщает Генеральный Секретарь доктор Шклявер. Хотелось бы привести еще некоторые места из переписки, но своевременно они будут изданы. Во всяком случае, каждый сад нуждается в обработке, а живое дело требует и жизни. Потому-то всем друзьям Культуры нужно действительно сообщаться, не нужно надеяться на то, что где-то что-то само собою сделается. Нужно прилагать все усилия к тому, чтобы это делалось неотложно, а для этого друзья истинной Культуры должны знакомиться

друг с другом. Должны объединяться в кружки и малые и большие, но одинаково светло горящие.

Итак, взаимно порадуем друг друга добрыми вестями и усилим друг друга и делом и помыслом.

1935

ПОСТРОЕНИЯ

Из нашей семейной хроники вспоминаются два эпизода, имеющие общее значение. Около нашего имени лет 55 тому назад перед великим постом сгорела церковь. Такое несчастье угрожало всей округе встретить без храма и Страстную Неделю и светлый Христов Праздник. Чтобы не оставить местных жителей без этой духовной радости, отец мой широко пришел на помощь: пожертвовал одно из строений поместья с окружающей землей, и в течение шести недель усиленными трудами строение было преобразовано в храм. Засияла колокольня, поспел иконостас, и в Вербное Воскресенье было поднятие креста и освящение храма.

Казалось бы, что могло быть плохого в этом благожелательном поступке? Но синодский строитель посмотрел на дело совершенно иначе, ибо постройка была произведена в спешности, без него. Итак, вместо хорошего храмостроительного конца произошла длительная, совершенно неуместная переписка. Правда, моему отцу намекали, что если бы ко всем пожертвованным суммам присоединить еще некую сумму, то вместо неприятностей последовала бы высокая благодарность. Но отец мой никаких дополнительных сумм не любил и во всем предпочитал путь прямой и правдивый. К тому же искренняя радость всего местного населения конечно была гораздо сердечнее, нежели официальная благодарность.

Другой эпизод относится ко времени Петра Великого. Прапрадед, бывший комендантом крепости, отказался уничтожить пригородную церковь, из-за которой шло наступление. Из-за этого обстоятельства, происшедшего по его глубокой религиозности, он имел многие служебные неприятности. Этот эпизод использован в одном из произведений русской литературы.

Очевидно по семейным традициям пришлось и мне неоднократно иметь неприятности по делу храмостроения и охранения древностей. Уже не говоря об эпизоде некоей часовни, я вспоминаю препирательства с одним инженером при построении церкви в Скерневицах — Государевом имении. Началось дело с того, что инженер хотел исправить проектированные мною своды полуциркульными обычными сухариками. Мною были приведены примеры и византийских храмов, и Спаса Нередицы, и Мирожского монастыря, но инженерное соображение утверждало, что эти строения не прочны.

На это мне пришлось возразить, что если такие постройки дошли до нас от 12-го, от 10-го и более ранних веков, то нелепо заподозривать их в непрочности. Можно лишь пожелать, чтобы наши современные строения устояли хотя бы половинное, сравнительно, время. Впрочем, в данном случае говорило не столько архитектурное соображение, сколько ведомственная зависть, что постройка прошла вне этого департамента.

Также нельзя не вспомнить нелепые неприятности, возникшие при исследовании и раскопках в Новгородском Кремле. В этом случае пришлось столкнуться уже с целым рядом враждебных обстоятельств. Некое учреждение негодовало, что эти раскопки все же состоялись, хотя кто-то настаивал, что Кремль давным-давно уже исследован. Кроме того, возникли, в части городского управления, сомнения в том, не потеряют ли новгородские стены от того, что около них будут выкошены сорные травы.

Уже после раскопки, которая, как известно, дала поучительные результаты и

еще раз подтвердила, что Кремль не был исследован, приключи-лось совершенно курьезное обстоятельство. Многосаженный разрез Кремля дал замечательную картину наслоений целого ряда городов, начиная от Североваряжского поселения и до строений 18-го века. Явилась мысль, что было бы необходимо сохранить эту десятивековую неповторяемую картину в назидание народа. Сделать это было совсем не трудно, ибо почти в центре Кремля земля была занята в то время огородами, сданными в аренду по весьма малой цене. Деньги на это уже имелись, но губернатор не разрешил. Когда же мы, изумленные таким запретом, пытались узнать причину, то нам было сказано, что это вещь опасная, ибо свиньи, ходящие по огородам, могут упасть туда. Помню, как сокрушенно мы перешептывались тогда: почему же свиньи, а не дети. Но тем не менее по причине свиней произошло свинство, и уже готовую, очищенную, дающую полное наглядное показание построения городов траншею пришлось засыпать.

Итак, даже свиньи помешали успеху археологического исследования. Право, незачем идти так далеко, чтобы поминать Льва Исавра и прочих иконоборцев. Гораздо ближе можно вспомнить, как чуть было не был продан Ростовский Кремль. Не раз мне приходилось упоминать в статьях и докладах факты действительности, которые не скроешь, но за которые многим придется краснеть.

Очевидно при каждом построении должны возникать какие-то темные трудности. Какое-то зло должно вопить против всего созидательного, должно измышлять всякие нелепости, лишь бы что-то хотя задержать, если не совсем искоренить. При этом бросается в глаза, насколько часто лица официального положения бывают вовлечены в сотрудничество со злоумышленниками.

Когда-то существовал обычай при построении города закапывать человеческую жертву под фундамент. Этот языческий обычай иногда претворяется в какие-то странные, но подобные же по смыслу факты и до современности. Так бывало, как будто так и бывает, но пусть оно не будет впредь, когда потребуются так много строения. Вспомнив об исторических фактах, пусть постыдятся люди сопрягать с чем-то хорошим, созидательным непременно какие-то злые умысления.

Строение прочно на камне правды, и зыбко оно на песке неверия и злобы. Строить все-таки придется, и потому пусть в основе строения вместо бывших человеческих жертв закладывается светлая радость.

1935

ОХРАНЕНИЕ

Сегодня почта из разных стран принесла немало знаков о движении нашего Пакта по охранению культурных ценностей.

Прислана копия с древней иконы Святого Николая Чудотворца в Белграде, утвержденная к печати митрополитом Антонием. Из других мест прислан снимок с издания типографии Киево-Печерской Лавры шестидесятого года — служба Преподобному Сергию игумену Радонежскому Чудотворцу. Из Испании посылается снимок с изображения Святого Доминго из «Силоса» — археологический музей Мадрида. Также из Испании посылается изображение Святого Михаила, работы Бартоломео Вермехо. На всех этих изображениях можно видеть знак Знамени Пакта, что для многих будет полезно запомнить.

«Генеральный секретарь сообщает из Парижа: «По поводу Пакта, сложный дипломатический механизм, о котором я писал в предыдущем письме, продолжает двигаться. Спешу сообщить Вам о результатах. Я уже сообщал Вам, что Финляндская Миссия, согласно нашей просьбе, передала Пакт на рассмотрение Гельсингфорского Правительства. Точно так же Датская Миссия передала Пакт Копенгагенскому Кабинету. Болгарская Миссия послала соответственное

представление в Будапешт. Сиамская Миссия по получении некоторых дополнительных данных, которые я им тотчас же доставил, передает Пакт на рассмотрение Бангкокского Правительства. Каждое «представление» сопровождается моим подробным Меморандумом, приуроченным, поскольку возможно, к особым условиям и духу каждого отдельного Государства, что и вызывает большую сложность переговоров и огромность переписки».

«Коммюнике о Пакте напечатано еще в журнале “Бо-Арте” и в немецкой газете, издающейся в Париже, “Шаризер Тагеблат”. Один французский военный, майор граф де Арно, пишет книгу об охране памятников во время войны. Я снабдил его всеми данными о Пакте и библиографией».

«Сию минуту неожиданно пришло еще предложение о поездке: проф. де Ля Праделль передает по телефону приглашение от ректора Университета в Саламанке прочесть лекцию о Рерих Пакт эт ле Дройт Интернациональ».

В следующем письме оттуда же сообщается: «Несколько дней тому назад вернулся из краткой поездки в Саламанку, где в течение трех дней прочел пять лекций о Пакте и Международном Праве. Многочисленная аудитория, состоявшая из профессоров и студентов Саламанкского Университета Испании, с энтузиазмом приветствовала Ваше Имя и Знамя Мира. Я раздал много брошюр о Пакте и вообще постарался, чтобы древнейший и славнейший Университет Испании сделался очагом распространения великой идеи охраны культурных сокровищ. Испанцы принимали очень радушно...»

Затем телеграмма из Нью-Йорка сообщает о знаменательных продвижениях Пакта, предположенных в течение февраля и апреля.

В той же почте из Сан-Франциско «Объединенный Комитет Русских Национальных Организаций в Калифорнии» за подписью председателя Комитета Изергана, обращается со следующим письмом, которое приведем полностью:

«С большим удовлетворением прочли о заключении знаменитого Пакта Рериха. Этим Пактом вводится официально защита художественных произведений от неожиданного вандализма и от вандализма, имеющего место во время военных действий. Честь и слава Вам, Николай Константинович, как инициатору такого великого акта».

«Под влиянием того впечатления, которое породило заключение Пакта Н.К.Рериха, мы, Объединенный Комитет Русских Национальных Организаций в Калифорнии, через особую, состоящую при нем Комиссию, обращаемся к Вам с горячей просьбой общерусского и даже общекультурного значения. Вам, конечно, известно, что большевики декларировали о том, чтобы к 1937 году не должно остаться на Русской земле ни одного Божьего Храма, даже само понятие «Бог» должно быть изгнано. Выполнение этого, поистине адского распоряжения Сталина, уже имеет место. Сколько храмов, между которыми были прекрасные, исключительные памятники старины, уже уничтожены. Нет Чудова монастыря в Москве с его исключительно богатой художественными предметами ризницей, нет Храма Христа Спасителя. Почти все памятники старинного религиозного творчества погибли. Всего, что уничтожено за это время, невозможно перечислить. Мы, русские люди, не можем оставаться равнодушными к такому вандализму ни с религиозной, ни с художественной точки зрения».

«Специально образованная по этому поводу Комиссия Протеста просит Вас, дорогой Николай Константинович, выступить на защиту разрушаемых бесценных сокровищ религиозного и художественного значения. Быть может Ваш Пакт может распространить свою деятельность и на Россию. Быть может Вы сумеете обратить внимание Правительства Северо-Американских Соединенных Штатов на творимое злое дело разрушения и насилия в пределах нашей общей Родины и защитить то, что еще цело».

«Поднимите Ваш голос протеста, пока еще не поздно».

«Спасите культурные ценности, народные святыни, высшие школы

христианства — Храмы Божии».

«Позвольте надеяться, что наше обращение к Вам не останется без отклика. Вы — один из выдающихся художников и людей культуры. Вы — русский человек, и горе России не может не тронуть Вас, помогите и спасите».

Вполне понимаю, насколько просвещенные люди в разных странах говорят о сохранении священных и научных ценностей. Те, кто следит за моими дневниками и статьями, могут видеть, что каждое некультурное, свирепое уничтожение отмечается, чтобы тем громче воззвать о всемирном соглашении беречь и сохранять все неповторимые культурные ценности. Сегодняшняя телеграмма дает надежду, что ближайший февраль и апрель окажутся очень действительными в деле признания и введения в жизнь нашего Пакта.

Когда Пакт будет введен во всеобщие действия, тогда, конечно, и многие меры из стадии моральных воззваний сделаются действительными и в смысле других неотложных применений. Это будет зависеть как от государственных постановлений и мероприятий, так и от общественного мнения. Именно общественное мнение высказывает широко и твердо упрочает многие возможности. Вспомним, сколько было обстоятельств выяснено, улажено и упрощено именно голосами народов.

Без общественного начала не вошел бы в действенное приложение и Красный Крест. Без неутомимых напоминаний, прошений, утверждений, введение Красного Креста взяло бы не 17 лет, как это потребовалось, а может быть гораздо больший срок потребовался бы, казалось, для такого нужнейшего гуманитарного учреждения. Мы знаем, что для одного из последних утверждений потребовалось самоотверженное настояние одной мужественной женщины, заявившей, что она не уйдет из кабинета главы правительства, пока не получит его подпись.

Действительно, такие общественные героические подвиги нужны там, где человечество устанавливает большие страницы культуры. Нужна большая безбоязненность, большая преданность всеобщей пользе, чтобы настаивать и не отступать ни перед какими трудностями.

Чем больше будет открыта, утверждена и разъяснена необходимость неотложных воздействий для охраны культурных сокровищ, тем больше народных взаимопониманий и достижений возможно. Будем же из разных стран, в разных условиях, в разных взаимоотношениях устремляться к той неопровержимой истине, что сердце человеческое есть хранитель культуры, а культура есть радость восхождения сознания народов. В разных странах будем пристально следить за упрочением Пакта для охраны культурных сокровищ, и подобно бессменному дозору будем перекликаться: «Всегда готов».

ПРИМЕЧАНИЯ

Материалы публикуются по следующим источникам:

- Памятники // ОР ГТГ, 44/528.
Из прошлой и настоящей жизни русского искусства // Искусство, М., 1905, № 3.
Иверский монастырь // ОР ГТГ, 44/54.
Спас Нередицкий // Н.К.Рерих. Собр. соч. Кн.1. М., 1914.
Безобразия // Золотое руно. СПб., 1906, № 4.
Восстановления // Там же, № 7—9.
Разрушение // Старые годы. СПб., 1907, № 1.
Записные листы художника. XXVIII. // Там же, № 3.
Записные листы художника. XXIX. // Там же, № 6.
Восстановления // Н.К.Рерих. Собр. соч. Кн.1. М., 1914.
Неблагополучности // Слово. СПб., 1908, 16 авг.
Ожидания молодежи // Старые годы. СПб., 1909, № 3.
Десятичная церковь в Киеве // Там же, № 5.
Письмо в редакцию // Там же, 1910, № 1.
Великий Новгород // Н.К.Рерих. Собр. соч. Кн.1. М., 1914.
Новгородские стены // Зодчий. СПб., 1911, № 3.
Тихие погромы // Н.К.Рерих. Собр. соч. Кн.1. М., 1914.
Церковь Ильи Пророка в Ярославле // Там же.
Опомнитесь! // Биржевые ведомости. СПб., 1912, 7 мая.
Лувен сожжен // Великая война в образах и картинах. СПб., 1915, Вып. 2.
Берегите старину // Биржевые ведомости. Пг., 1915, 6 мар.
«Дивинец» // Царскосельский район и особый эвакуационный пункт. Пг., 1915, № 6.
Новгородским строителям // Старые годы. Пг., 1916, № 4—6.
За Новгород // Биржевые ведомости. Пг., 1916, 28 июля.
Строительство // Там же, 18 сент. Два лика // Там же, 28 окт.
Матери городов // Н.К.Рерих. Священный дозор. Харбин, 1934.
Письмо-привет // Свет. Рига, 1933, 22 (мес. не известен).
Опасность разрушений // Новая заря. Сан-Франциско, 1935, 9 февр.
Чутким сердцам // Свет. Рига, 1935, 22 мар.
Правда нерушима // Архив Музея Рериха в Нью-Йорке.
Построения // Там же.
Охранение // Рассвет. Чикаго, 1935, 2 апр.

СОДЕРЖАНИЕ

Н.Д.Попов. Хранитель	3
Памятники	8
Из прошлой и настоящей жизни русского искусства	10
Иверский монастырь	17
Спас Нередицкий	18
Безобразия (Записные листки-художника. XVII)	19
Восстановления (Записные листки художника. XXV)	20
Разрушение (Записные листки художника. XXVI)	22
Записные листки художника. XXVIII	23
Записные листки художника. XXIX	24
Восстановления	25
Неблагополучности	28
Ожидания молодежи	29

Десятинная церковь в Киеве	30
Письмо в редакцию	32
Великий Новгород	33
Новгородские стены	38
Тихие погромы	41
Церковь Ильи Пророка в Ярославле	45
Опомнитесь!	46
Лувен сожжен	47
Берегите старину	47
«Дивинец»	48
Новгородским строителям	49
За Новгород	50
Строительство	51
Два лика	52
Матери городов	54
Письмо-привет Рериха «Родной старине» и рижскому кружку ревнителей старины	58
Опасность разрушений	59
Чутким сердцам	60
Правда нерушима	63
Построения	65
Охранение	67